

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

С. Э. ЗУБОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ДРЕВНОСТИ

(на материалах заключительного этапа эпохи
раннего железного века Среднего Поволжья)

Рекомендовано редакционно-издательским советом федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» в качестве учебного пособия для обучающихся по основным образовательным программам высшего образования по направлениям подготовки 39.03.01, 39.04.01 Социология

САМАРА
Издательство Самарского университета
2025

УДК 902/904(470.4)"638"(075)

ББК Т442.7(235.4)-6я7

3915

Рецензенты: д-р ист. наук, проф. А. А. В ы б о р н о в,

канд. ист. наук, доц. И. В. К о л ь к о в а

Зубов, Сергей Эдгардович

3915 Археологический контекст миграционных процессов в древности (на материалах заключительного этапа эпохи раннего железного века Среднего Поволжья): учебное пособие / С. Э. Зубов. – Самара: Издательство Самарского университета, 2025. – 100 с.

ISBN 978-5-7883-2232-2

Учебное пособие содержит дополнительные материалы по курсу «Археология этносов Средней Волги». Приводится краткий обзор моделей и типов миграций в древности и поднимаются проблемы их выявления на археологическом материале. На примере археологических объектов Волго-Окском междуречья Сурского бассейна рассматриваются вопросы археологического выявления миграций в древности. Материалы заключительного этапа эпохи раннего железного века свидетельствуют о наличии специфических воинских миграций в преддверии эпохи Великого переселения народов.

Предназначено для обучающихся по направлениям подготовки 39.03.01, 39.04.01 Социология и преподавателей вузов.

УДК 902/904(470.4)"638"(075)

ББК Т442.7(235.4)-6я7

ISBN 978-5-7883-2232-2

© Самарский университет, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
1. Миграционные процессы в системе научных дисциплин ..	5
2. Миграции в археологии	10
3. История изучения памятников заключительного этапа эпохи раннего железного века в Западном Поволжье.....	16
4. Погребальная обрядность и материальная культура	23
4.1. Геоморфология погребальных мест	23
4.2. Украшения и детали одежды	31
4.3. Оружие и конское снаряжение	35
4.4. Орудия труда и бытовые предметы	40
5. Происхождение, этнокультурная и историческая интер- претация памятников писеральско-андреевского типа	44
6. «Воинский выплеск» как одна из форм малых миграций ..	52
Заключение	58
Список использованной литературы	65
Альбом иллюстраций	75

ВВЕДЕНИЕ

При разработке настоящего учебного пособия автор-составитель ставил своей целью использование теоретических, исторических, методологических основ в изучении влияния миграционных процессов на формирование новой этнокультурной среды. Материалы пособия формируют дополнительную источниковую базу по курсу «Археология этносов Средней Волги» для студентов магистратуры, обучающихся по направлению подготовки 39.03.01, 39.04.01 Социология и могут быть использованы в качестве дополнительной литературы в преподавании курсов «Археология» и «Миграциология».

В пособии приводится краткий обзор моделей и типов миграций населения в древности и поднимаются проблемы их выявления на археологическом материале. На примере археологических объектов Среднего Поволжья в Волго-Окском междуречье Сурского бассейна рассматриваются сущностные вопросы методов и критериев археологического выявления миграций в древности. Материалы заключительного этапа эпохи раннего железного века свидетельствуют о наличии в Западном Поволжье специфических воинских миграций в преддверии эпохи Великого переселения народов.

Данное учебно-теоретическое издание является связующим звеном между учебниками для вузов «Миграциология», «Миграция населения» и «Археология», что позволяет осмыслить значение миграционных процессов в древности при формировании новых этнокультурных групп населения и зарождении этносов.

В рамках читательского адреса пособие предназначено для семинарских занятий и самостоятельной работы студентов магистратуры, преподавателей вузов по их направлениям, а также может быть полезно всем, кто интересуется вопросами миграций древнего населения.

1. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИСТЕМЕ НАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН

Миграционные процессы населения вызвали необходимость сложения нового направления в науке – миграциологии, изучающей миграционное движение населения, обусловленное социально-экономическими отношениями. Предметом миграциологии является миграция населения, а объектом выступает социум в пространственно-временной системе координат, среда, в которой существует явление миграции. Изучение миграций проводится с помощью методов и данных смежных социальных наук и дисциплин – демографии, социологии, права, миграционной статистики, психологии, статистики населения, экономики, географии населения. Основными задачами миграциологии являются классификация различных видов миграции, анализ особенностей миграционных потоков, связанных с ними экономических, правовых, социальных проблем, выявление основных факторов и причин миграции, разработка и совершенствование методов учета и регулирования миграций на глобальном, национальном и региональном уровне.

Формирование понятийного аппарата «миграции» началось с конца XIX века в работах английского географа Эрнста-Георга Равенштейна, в которых были описаны одиннадцать общих законов миграции. Считается, что именно он впервые дал научное определение, в котором миграция понималась как постоянное или временное изменение места жительства человека [36, с. 2; 84].

С течением времени складывались различные подходы к трактовке понятия «миграция населения». В научной литературе как отечественной, так и зарубежной, присутствует достаточно большое количество разновидностей этого определения. Наиболее распространенные из них представлены следующими исследователями: E.G. Ravenstein [87],

Я. Щепаньский [82], В.И. Переведенцев [56], М.В. Курман [42], J.H. Johnson, J. Salt [86], Ионцев В.А. [32], Л.Л. Рыбаковский [62].

Как отмечают российские исследователи, миграция происходит одновременно во времени и пространстве. В трактовке отечественного демографа В.И. Переведенцева время отражается в словосочетании «на относительно продолжительный срок», не конкретизирующее интервал времени, в течение которого происходит процесс перемещения. В определениях польского лексикографа Я. Щепаньского, демографа М.В. Курмана и других зарубежных авторов отсутствует указатель времени, сделан акцент только на пространственную составляющую [76, с. 357].

Наиболее точно, на наш взгляд, соответствует критериям времени и пространства понятие миграции, которое дали Ионцев В.А. [32] и Л.Л. Рыбаковский [62]. Отметим, что в исследованиях, связанных с миграционными процессами, трактовками указанных авторов пользуются чаще всего.

При классификации современных видов миграции используют ряд критериев для понимания сущности миграции и ее направленности по правовому статусу, по территориальному признаку, по мотивам, по срокам, по целям [60].

В настоящее время существуют разные подходы к построению классификационных схем миграций населения. Наиболее оптимальная классификация миграций базируется на пяти категориях, обусловленных временными и пространственными факторами: тип, вид, форма, причина, стадия.

Некоторые типы миграций выделяются по продолжительности, направленности и причинам.

По продолжительности (временная, постоянная или сезонная миграция), когда мигранты перемещаются на короткий срок с целью работы, учёбы или туризма, после чего возвращаются в свою

страну или когда люди перемещаются с целью постоянного проживания в новом месте и не планируют возвращаться в свою страну.

По направленности (внутренняя или международная миграция), т.е. перемещение внутри одной страны или перемещение между разными странами.

По причинам (вынужденные или добровольные миграции) экономического, политического, национального, религиозного, военного, экологического и т.д. характера. В зависимости от того, предпринимаются перемещения людей по собственному желанию или вопреки таковому, они делятся на добровольные и вынужденные. Вынужденные перемещения людей, которые покидают свои дома из-за непосредственных угроз или проблем, таких как войны, конфликты, политические преследования, нарушения прав человека, природные бедствия и другие катастрофические события. Добровольные перемещения людей происходят по их собственной воле, без прямых угроз или вынужденных обстоятельств. Люди могут решить мигрировать в поисках лучших возможностей для жизни, работы, образования, более стабильного положения или по другим личным причинам.

По видам миграции (географический признак) в разных классификационных построениях выделяют внешнюю, внутреннюю (в пределах своего этнического расселения или государства) и транзитную.

По способу вовлечения исследователи выделяют три ведущие формы миграций (переселений) – принудительную, вынужденную и добровольную.

Принудительная миграция характеризуется переселением группы лиц для освоения новых завоеванных земель и создания инфраструктуры для победителей или выдавливанием насильственными методами коренного населения с их мест обитания. Вынужденная миграция связывается с экологическими проблемами;

нехваткой угодий и пастбищ при увеличении стад скота и народонаселения; соседством активного в военно-политическом отношении этноса или государства. Добровольная миграция связана с увеличением народонаселения и связанными с этим процессами сегментация племени, рода. В этом ряду можно рассматривать и малые воинские миграции, когда молодые честолюбивые воины отправляются на завоевание новых территорий для повышения своего социального статуса. В числе как вынужденной, так и добровольной формы миграции можно рассматривать селективную миграцию (selective – англ., лат. *selectio* выбор, отбор) представителей определенной категории или группы лиц того или иного социального класса или слоя, территориальных и этнических групп, национальных меньшинств и др., вынужденных мигрировать или добровольно переселяющихся на новые территории.

Классификация по стадиям базируется на трех основных позициях от принятия решений миграции, через непосредственное территориальное перемещение до адаптации на новом месте и по форме может быть общественно организованным или неорганизованным.

Важная дефиниция совокупности мигрантов, объединенных общим периодом миграции в конкретный пункт или регион, считается миграционной когортой. А на основе возможных миграционных сценариев исследователи строят миграционные модели.

Со временем демографические и социологические исследования в области миграциологии стали привлекать в этнологию. Изучение миграций в этнологических исследованиях носит широкий междисциплинарный характер. В этой связи этнология граничит с социологией развития, социологией миграций, демографией, историей и археологией. В плане решения задач по формированию классификаций различных видов миграции, анализу особенностей миграционных потоков, выявлению факторов и причин миграции,

миграциология пересекается с историей и археологией, изучающими миграционные процессы в древности.

За сравнительно небольшой исторический период, в который миграция населения изучалась и рассматривалась как самостоятельное научное направление, возникло достаточно большое количество научных подходов и теорий в изучении этого общественно-экономического явления. Развитие научных взглядов происходило в рамках тех или иных научных подходов, что в каждом случае абсолютно оправдано и справедливо: географического, демографического, исторического, политического, социологического, экономического. Миграция, будучи сложным по своей природе и социальным последствиям процессом, всегда была в центре внимания представителей многих наук, поэтому выбор подхода, как известно, зависит от тех задач, которые ставит перед собой исследователь.

Основываясь на анализе зарубежной и отечественной литературы, наиболее полная классификация была разработана В.А. Ионцевым и включает 17 различных подходов к изучению миграции населения, которые объединили по его оценке 45 научных направлений, теорий и концепций. Из них на экономический подход приходится 15 теорий, на социологический – 5, на чисто миграционный – 4, на демографический – 3, на исторический – 2 [32, с. 19].

2. МИГРАЦИИ В АРХЕОЛОГИИ

В археологической литературе чаще всего к понятию «миграция» прибегают в том случае, когда, даже принимая во внимание дискретность культурного развития, существенные различия в основных характерных особенностях двух соседних в хронологической колонке культур заставляет исследователей говорить о смене культур и даже о смене населения, их оставившего.

Однако культурные изменения могут вызываться не только сменой населения, но и появлением культурных инноваций в результате прогрессивного развития, культурных влияний и активного взаимодействия, а также социальных катаклизмов. В таком случае следует выработать алгоритм разграничения культурных изменений, вызванных притоком нового населения в результате миграции, от культурных изменений, произошедших по другим причинам.

Миграциям в древности и проблемам их выявления на археологическом материале посвящено достаточное количество работ в специальной литературе. Для осмысления методов и критериев археологического выявления миграций в древности наибольший интерес представляют разработки Л.С. Клейна [34; 35], Н.Я. Мерперта [46], В.С. Титова [75] и целого ряда других исследователей.

Формально мы можем предложить к рассмотрению три ведущие формы миграций по мотивам.

1. Вынужденная миграция, связанная с проблемами, в результате которой происходит а) нарушение окружающей среды (экологический фактор) – например, длительное или локальное изменение климата, приводящее к невозможности ведения традиционного хозяйства; б) с взаимодействием человека и природы, связанные с воздействием человека на окружающую среду, в результате которой возникает нехватка угодий и пастбищ при увеличении стад скота и народонаселения (демографический фактор) или обеднения земель

при интенсивном земледелии (экономический фактор). На вынужденную миграцию может повлиять соседство активного в военнополитическом отношении этноса, государства (военно-политический фактор). В этот ряд можно поставить миграции представителей определенной категории или группы лиц того или иного социального класса или слоя, территориальных и этнических групп, национальных или религиозных меньшинств и др., не имеющие возможность мирного или экономического существования (социальный фактор).

2. Добровольная миграция, побудительные мотивы которой связаны с сегментацией племени, рода (социально-экономический фактор), единичные миграции женского населения, выходящие замуж (здесь речь идет о преимущественно ближнем и постепенном просачивании, социальный фактор), малыми воинскими миграциями, когда часть общества из представителей молодых мужчин-воинов отправляется в завоевательные походы и оседает на новых местах (военно-социальный фактор).

3. Принудительная миграция, при которой происходит переселение группы лиц для освоения новых завоеванных земель и создания инфраструктуры для победителей или вытеснение (выдавливание) недружественными методами коренного населения с их мест обитания.

Следует особо отметить, что археологическими методами крайне сложно определить мотивацию выявленной или предполагаемой миграции.

Типологии миграций посвящена обширная литература и исследователи выделяют значительное число видов миграций в современном и этнографическом времени. В археологической науке проблемам миграционных процессов также посвящено немало интересных работ [например, см.: 33, 34, 35; 46; 75]. В.С. Титовым обобщены формальные критерии отражения миграций в археологическом материале: территориальный, хронологический, критерий

лекальности [75, с. 92-93]. Согласно первому из них, мигрирующая культура должна соприкасаться с ареалом исходной культуры цепочкой или полосой памятников, маркирующих следы движения мигрантов. Хронологический критерий предполагает стык во времени исходной и мигрирующей культур, при этом последняя должна иметь относительно более поздний возраст. Критерий лекальности предполагает сходство основных признаков исходной и мигрирующей культур. Л.С. Клейном к описанным выше добавлены критерии внешнего источника и неподготовленности. Критерий внешнего источника предполагает возможность фиксации миграций по отдельным типам вещей, когда по массовой концентрации выделяется основной очаг их формирования и распространение на далекие расстояния в результате миграции. Критерий неподготовленности предполагает смену одной культуры другой в отсутствие признаков преемственности. Формирование новой культуры происходит внезапно, без длительной подготовки [35, с. 52-71].

Н. Я. Мерперт [46] выделяет три «модели» миграций – для палеолита, неолита и энеолита. Первая модель характерна для охотников-собирателей и вызвана прямо изменениями в природной среде – движением ледников, трансгрессиями и регрессиями морей, сдвигами ландшафтных границ, миграциями животных, стихийными бедствиями. Эти миграции носили характер переселений и особенно характерны для палеолита. Вторая модель определяется экономическими факторами, в частности давлением избытка населения вследствие демографического роста при ограниченных возможностях производства. Хозяйство экстенсивное – осваиваются новые регионы. Это в основном неолитическое расселение. Третья модель обусловлена экономическими и социальными причинами – экономическим и социальным неравенством, борьбой за источники сырья, за возможности эксплуатации и за власть над народами и

территориями. Эта модель появляется с металлом. Она связана с завоевательными походами и военными вторжениями.

Кроме того, Н.Я. Мерпертом были выделены три типа миграций в зависимости от взаимодействия аборигенов и мигрантов. К миграциям первого типа относятся полностью обусловленные экологическим фактором, непосредственно вызванные изменениями природных условий. При этом, субстратная культура практически незаметна. При миграциях второго типа, обусловленных в основном экономическими факторами, культура мигрантов не оказывает или почти не оказывает влияния на субстратную. К миграциям третьего типа, обусловленными как экономическими, так и социальными факторами, отнесены миграции, при которых субстрат и суперстрат не фиксируются в чистом виде, а предстают изначально в смешанном виде [46, с. 9-12].

Во многих исследованиях, посвященных культурным и этническим взаимодействиям, рассматриваются вопросы аккультурации, заимствований, торговых обменов, войн и миграций. При этом археологический анализ этих взаимодействий сильно ограничен характером и возможностями археологических источников.

В этом аспекте важнейшей задачей является выделение групп диагностирующих признаков, одни из которых отражают явления культуры, вызванные миграцией их носителей, а другие несут в себе следы передачи культуры посредством торговых обменов, обменов производственными и бытовыми традициями и в целом всех форм прямых и обратных культурных связей между индивидами или группами людей, сопровождающихся пространственной передачей явлений культуры [6, с. 47].

Именно поэтому важно рассматривать такое понятие, как культурная гармония, проявления которой кроются не только в принятом мигрантами местном культурном коде, но и в заимствованиях автохтонами отдельных элементов культуры, привнесенных пришлым населением. Культурная адаптация является одним из важных

элементов культуры, истории и появления новых инноваций и других процессов социокультурной трансформации. Способность впитывать ценности новой культуры – это не отказ от собственных ценностей в угоду новой культуре, а наоборот, стандартная культурная адаптация, т.е. способность сочетать различные системы ценностей с овладением нормами и культурными ценностями новой культуры [76, с. 358].

По образному выражению Л.С. Клейна миграция является мощной встряской, которая приводила к значительной трансформации культуры [35]. Старые общественные связи разрывались и устанавливались новые системы отношений. Все это происходило на фоне резкой перемены природной и социальной среды, ослабления старой потестарной власти и низложения авторитетов. В следствие этого происходили резкие изменения в культуре как пришельцев, так и в среде местного населения. Зачастую миграции в древности влияли частично или полностью на исторический контекст, меняя социальные, политические, экономические и культурные условия, которые оказывали непосредственное воздействие на развитие исторического процесса в конкретное время на определенном пространстве.

Основные факторы преобразований в археологических культурах, все кардинальные внутренние изменения общества, без сомнения, находятся в сфере экономических отношений. При этом особая роль в активизации процессов формирования этнокультурной среды принадлежит миграциям.

Путем умозрительных заключений с привлечением немногочисленных письменных источников и этнографических параллелей исследователи воссоздают некоторые модели миграций населения путем выявления причин переселений. В то же время, до конца не выяснен механизм воздействия переселений народов на течение и темп социально-экономических и этнокультурных изменений

в древних обществах. Тем более что далеко не все миграции можно отследить археологическими методами [75].

Следствием этого возникает необходимость создания доказательной базы существования той или иной миграции. Априори, в теоретическом плане, миграции должны соответствовать определенным требованиям или критериям.

В идеале при выявлении и анализе миграций должны быть известны исходная территория происхождения мигрирующего населения, выявлены памятники, маркирующие пути миграций, культурные изменения, вызванные мигрантами на новой территории. При этом должен быть соблюден хронологический принцип сопоставления, доказывающий возможность такого переселения, а археологические данные должны быть дополнены антропологическими, подтверждающими, что смена культур сопровождалась изменением физического типа носителей культуры [75, с. 92].

Следует отметить, что за пределы данной работы выведены периодические миграции, осуществляющиеся кочевым и полукочевым населением сезонно и циклично по строго определенной территории в рамках обусловленной географической среды, откорректированной соседними сообществами. Поскольку именно в таких систематических или постоянных пространственно-временных перемещениях, являющихся обычным состоянием, обусловленным характером производства и образом жизни, заключается суть кочевания.

3. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ЭТАПА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ЗАПАДНОМ ПОВОЛЖЬЕ

Проблема изучения миграционных процессов на рубеже эр является одной из ключевых и принципиальных в археологии Волго-Уралья, а также сопредельных территорий. Интерес к этой проблематике не случаен. В ряде случаев именно миграции оказывали влияние на формирование новой этнокультурной среды, которая фиксируется археологическими методами и зачастую способствует выделению новых археологических культур.

В научной литературе последних десятилетий прошлого столетия наблюдалось заметное охлаждение к теоретической части миграционных процессов, в результате чего были поставлены под сомнение миграционные объяснения культурных изменений. В археологической науке утвердилась концепция культурной эволюции, сокращающая до минимума важность передвижений населения в древности.

Эту тенденцию поддерживают некоторые националистически настроенные археологи, которые считают особо важным доказать, что их народ жил на данной территории с незапамятных времен. Чего стоит прослеженный В.Г. Котовым этногенез башкир в Приуралье «от верхнего палеолита до этнографической современности» [39]. Некоторые исследователи, обнаружив яркие и неординарные памятники, необоснованно вписывают их в историю своего народа [73], а затем и вовсе создают новую археологическую культуру, оперируя материалами семи курганов из трех могильников, на самом деле опираясь только на один из этих памятников, практически не привлекая археологические данные из других [11].

Памятники первых веков нашей эры, появившиеся вслед за классическими памятниками городецкой культуры с текстильной и

псевдорогожной керамикой и известные сейчас в научной литературе как древности писеральско-андреевского типа, были открыты в 1958 г. А.Х. Халиковым в результате исследования небольшой курганный группы у д. Писералы Горномарийского района Республики Марий Эл [78, с. 116-138]. В ходе раскопок было изучено 5 курганов, содержащих 21 погребение (рис. 2-6; 3; 4). Исследователь сразу же отметил необычность этого некрополя среди памятников железного века Поволжья и Прикамья и датировал его II-III вв. н.э. Появление Писеральских курганов А.Х. Халиков связывал с инфильтрацией в правобережные районы Среднего Поволжья пьяноборского населения, что подтверждалось им также рядом находок этого типа от р. Суры до Казанского поворота Волги [78, с. 133-138].

На территории Мордовского края памятники этого типа впервые обнаружил П.Д. Степанов, который в 1963-64 гг. раскопал Андреевский 1 курган в Большеигнатовском районе Республики Мордовия [68, с. 206-267; 73] (рис. 2-1; 7-9). В 1967 г. им был исследован еще один памятник круга писеральско-андреевских древностей – курган около с. Старое Ардатово, Ардатовского района Республики Мордовия (рис. 2-3; 14; 15), единственное погребение которого он соотнес с грунтовыми погребениями Андреевского кургана [72, с. 70-72]. На следующий год П.Д. Степанов предпринимает раскопки селища, расположенного близ Андреевского кургана. По мнению автора, эти два объекта археологического наследия были оставлены одним и тем же населением [68, с. 246; 72]. К сожалению, никаких отчетных материалов и публикаций по этому поводу нет кроме выжимки из шести строк по отчету аспиранта Ю.Б. Степашкина [68], который найти не удалось. Принадлежность Андреевского селища к поселенческому типу была подвергнута критике автором настоящей работы и высказано предположение об этом

объекте как месте проведения обрядовых действий до или после совершения погребений [26, с. 12].

Параллельно с полевыми исследованиями П.Д. Степанов вел большую работу по интерпретации полученных артефактов. Практически сразу исследователь опубликовал материалы Андреевского кургана в виде предварительного сообщения, которое, несмотря на небольшую вводную часть, содержало подробный дневник раскопок, наиболее близкий к оригиналу отчета [68]. Уже тогда П.Д. Степанов отметил чрезвычайную близость «андреевских вещей к писеральским находкам», что «заставляет считать оба памятника, входящими в круг одной культуры, однако при племенном различии...» [68, с. 220]. Вместе с тем, он датировал материалы впускных погребений I-II вв. н.э., а грунтовых – ранее рубежа нашей эры [68, с. 219-221]. Свою точку зрения на этнокультурный характер памятника, содержащего четыре компонента – позднегородецкий, пьяноборский, сарматский и древнемордовский, – исследователь подтвердил на научной сессии по этногенезу мордовского народа, состоявшейся в Саранске в 1964 г. [69].

В последующие годы П.Д. Степанов выпустил ряд небольших заметок по отдельным артефактам памятника [70; 71]. Тогда же интерес ряда исследователей привлекли внимание римские импорты из Андреевского кургана [40; 80; 81, с. 145-147, 156, 162-163]. И, наконец, в 1980 г., уже после кончины П.Д. Степанова, вышла в свет обстоятельная монография автора с расширенной интерпретационной частью андреевских материалов, в которой была представлена его откорректированная концепция. В частности, автор соотнес сооружение кургана и его грунтовые погребения с вторжением в местную среду конников-завоевателей савромато-сарматского происхождения. Во впускных же погребениях, по его мнению, были похоронены «...люди времен городецкой культуры,

но воспринявшие и переработавшие элементы культуры ананьинских и пьяноборских племен, то есть создатели древнемордовского культурного комплекса» [73, с. 46-47]. В дальнейшем именно андреевские многочисленные комплексы, достаточно хорошо документированные, стали эталонными для разработок периодизации и хронологии писеральско-андреевских древностей, а также их интерпретации в контексте этнокультурной истории Поволжья в финале раннего железного века.

Только лишь спустя почти тридцать лет список памятников писеральско-андреевского типа пополнился раскопками Климкинской курганный группы, расположенной в 4,5 км от Писеральских курганов. Выявленный в 1958 г. могильник [77] впервые подвергся раскопкам в 1991 и 1993 гг. Г.А. Архиповым и А.И. Шадриным (рис. 2: 6; 6). В течение двух полевых сезонов был исследован курган № 1, датировка которого была необоснованно омоложена его исследователями до III-IV вв. [8, с. 119]. В 2003-2004 гг. А.В. Михеев исследовал курган № 2 [28]. Всего под насыпями двух курганов было исследовано 28 захоронений.

Еще почти двадцать лет потребовалось на то, чтобы найти новые памятники подобного рода. В 2010 году С.Э. Зубовым и О.А. Радюшем были выявлены два могильника первых веков нашей эры на территории Пильнинского района Нижегородской области [29].

Пильнинский I могильник расположен на мысу коренной террасы реки Анда, левого притока р. Пьяны (рис. 2: 4, 5; 17-25). На слабо выраженном склоне мыса было зафиксировано около 50 грабительских вкопов. Часть материалов из грабительских раскопок была получена Государственным историческим музеем. Коллекция была представлена предметами вооружения и конского снаряжения, поясной гарнитуры, украшениями одежды и пр. Все вещи из грабительских раскопок датируются в пределах I-II вв. н.э.

На сегодняшний день на территории могильника С.Э. Зубовым, О.А. Радюшем и Р.Р. Саттаровым исследовано семь погребений, из которых четыре могилы можно отнести к писеральско-андреевскому типу (рис. 23: В, Г; рис. 24-25) и отметить четкую связь с материалами Андреевского кургана. Три захоронения, в двух из которых (рис. 23: А, Б) видятся следы насильственной смерти, несут явно подчиненный, сопровождающий характер.

На низком мысообразном отроге второй надлуговой террасы, в 200 м от мыса, на котором расположен Пильнинский I могильник, разведочным шурфом было выявлено мужское захоронение (35-40 лет)*, погребальный инвентарь которого можно соотнести с материалами писеральско-андреевского типа памятников и датировать I-III вв. н.э. Это костяные и железные наконечники стрел, бронзовая пряжка с железным язычком, округло-вытянутая бусина глухого серебристого цвета. Вдоль правого бедра лежал железный меч плохой сохранности. Собственно и сохранность костей захороненного тоже плохая. И это понятно, поскольку умерший был погребен на глубине 25-26 см от поверхности [29].

В 2024 году археологическим отрядом Самарского университета под руководством С.Э. Зубова и С.Ф. Ермакова был выявлен еще один грунтовый могильник, относящийся к кругу писеральско-андреевских древностей I-II вв. н.э. (рис. 2: 23).

В 2 км к ЮЮВ от южной окраины деревни Юморга и в 0,8 км к ССЗ от мостового перехода трассы М7 на восточном склоне мысообразного отрога был обнаружен грабительский вкоп, в котором были зафиксированы кости человека. Над этим вкопом был заложен шурф 3х2 м, длинной стороной ориентированный по линии запад-восток. На глубине 05,06 м от поверхности были расчищены

---

* Антропологическое определение выполнено в 2010 году тогда еще доцентом кафедры анатомии и физиологии человека ПГСГА к.и.н., А.А. Хохловым (Самара).

остатки ног костяка взрослой женщины, лежащие *in situ*, расположенные по оси север-юг и беспорядочное скопление разрозненных костей человеческого скелета. Среди них были выявлены фрагменты трех лепных сосудов.

Восстановить сосуды до полного профиля в камеральных условиях не удалось. Диаметр днищ в двух случаях составлял 8 см. В первом случае днище средней профилировки принадлежало сосуду горшковидной или мисковидной формы. Верхняя часть этого сосуда имеет прямой венчик со сглаженным округлым срезом и едва намеченным плечиком. Близкие по морфологии сосуды происходят с городища Пичке Сарче, схожи с типом А15б по классификации Гришакова В.В. [13], по разработкам Мясникова Н.С. относятся к типу II.1 [53]. Днище второго сосуда имеет едва намеченную закраину. Кроме этого был обнаружен венчик от третьего сосуда, плавно отогнутый наружу. Толщина стенок сосудов варьирует от 4 до 9 мм, составляя в среднем 6 мм. Цвет внешних поверхностей коричневый, оранжевый; внутренних – черный, темно-серый. На внешних и внутренних поверхностях заметны хаотичные следы заглаживания пучком травы или куском кожи. Орнаментация на сосудах отсутствует. Вся керамика изготовлена по одной культурной традиции. Исходное сырье – высокопластичная глина, лишенная примеси песка, с редкими железистыми включениями. Формовочная масса сосудов составлена по рецепту глина + шамот + органика (анализ сосудов из Юморги был произведен Е.Ю. Федоровой).

Кроме керамического материала при захоронении была выявлена бронзовая пенснеобразная сюльгама с миндалевидной рамкой. Подобные сюльгамы бытовали в I-II вв. н.э. в среде населения, оставившего памятники писеральско-андреевского типа [17, рис. 41; 25, рис. 62].

Помимо описанного погребения, в шурфе выявились фрагменты костей предположительно двух других захоронений, над ко-

торыми в норе землероев выявлена крупная бронзовая бусина-пронизь. Плохая сохранность костей объясняется незаглубленностью погребений в материковую глину, вследствие чего также не прослеживались очертания могильных ям [31].

Таким образом, на сегодняшний день число памятников писеральско-андреевского типа пополнилось еще тремя погребальными объектами и составило семь могильников, четыре из которых курганные и три – грунтовые.

Во второй половине 80-х гг. XX в. А.Х. Халиков впервые объединил Писеральские и Андреевский курганы в один тип памятников – писеральско-андреевский, что было позитивно воспринято научным сообществом.

4. ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Появление в первых веках н.э. на территории Окско-Сурского междуречья новых археологических памятников с особой материальной культурой и погребальной обрядностью, не укладывающихся в рамки предыдущей по времени городецкой культуры позволило исследователям высказать мнение о появлении в регионе в результате миграционных процессов новых групп населения.

На сегодняшний день известны семь погребальных памятников (Писеральские курганы, Андреевский курган, Староардатовский курган, Климкинские курганы, Пильнинские I и II грунтовые могильники, грунтовый могильник Юморга I)¹. Следует отметить, что Михеев А.В. относит Климкинский курганный могильник к типу курганно-грунтовых, учитывая наличие рядных грунтовых захоронений вне курганной насыпи [48, с. 86].

4.1. Геоморфология погребальных мест

В контексте вышесказанного имеет смысл порассуждать о принципах формирования могильников, расположенных на совершенно разных геоморфологических участках.

Обращает на себя внимание разнообразие типологических особенностей погребальных объектов – курганный обряд захоронения (Андреевский, Староардатовский, Писеральские курганы), курганно-грунтовый (Климкинские курганы) и грунтовый (Пильнинские I и II могильники, могильник Юморга I).

При этом Андреевский и Староардатовский курганы расположены на водоразделах (рис. 7; 14) и, очевидно, захоронения вписаны в курганы бронзового века [14]. К этому следует отметить,

---

¹ В настоящий перечень пока не включены Сергачский могильник "Кожина Слобода" (Гришаков, 2010) и Гороховецкий могильник, предварительный анализ которых вызывает сомнения в их принадлежности к памятникам писеральско-андреевскому типу и требует отдельного, более внимательного рассмотрения.

что в Андреевском кургане исследователи насчитывают от 56 – «вскрыто 50 могил», «расчищено 56 захоронений» [68, с. 207] до 59 – «вскрыты 52 могилы», в которых было «обнаружено 59 захоронений» [73, с. 3, 5], а некоторые исследователи считают, что «П.Д. Степановым в кургане было изучено достоверных 45 погребений, содержащих 51 захоронение, в том числе одно погребение – коллективное с останками 4 захоронений, три погребения – с парными захоронениями» [17, с. 16]. Причем, более 60% от всего количества захороненных относятся к мужским воинским погребениям. В отличие от Андреевского кургана в Староардатовском захоронение одиночное. При этом, оно совершено в обширной яме с плечиками и деревянной конструкцией, соответствующей ранним статусным захоронениям Андреевского кургана [17, с. 65].

Расположение Писеральских и Климкинских курганов приурочено к краю коренной террасы берегов малых рек. Первые располагались на краю высокого правого берега реки Большая Юнга (рис. 3), вторые – на краю коренной террасы левого берега р. Малая Юнга (рис. 5). Собственно, между этими могильниками и расстояние крайне незначительное – примерно 4 км. Обращают на себя внимание некоторые различия погребальной обрядности в планиграфии расположения могил и глубины могил захороненных. В Писеральском могильнике захороненные помещались «на верху почвы (10 из 20 погребений) или же опускались в прямоугольные ямы глубиной от 20 до 70 см» [78, с. 134]. В Климкинском же могильнике погребальные камеры преимущественно углублены в материк. При этом наблюдается некоторая рядность расположения могил в плане [25, рис. 52] и зафиксированы захоронения вне курганных насыпей [48, с. 84], что позволило исследователям отнести Климкинские курганы к курганно-грунтовому типу памятников [48, с. 86].

Совершенно другая традиция совершения захоронений, относящихся к писеральско-андреевскому типу памятников, прослежи-

вается в Пильнинских могильниках. В первую очередь, они относятся к типу грунтовых. При этом, Писеральский II могильник расположен на останце надпойменной террасы (рис. 17), единственное выявленное захоронение которого было совершено в гумусном слое, на глубине 25-26 см от поверхности. Погребальный инвентарь соотносим с категориями вещей из других могильников писеральско-андреевского типа и представлен мечом, железными двушипными и костяными бочёлкообразными наконечниками стрел, импортными стеклянными бусинами и круглой пряжкой с бронзовой рамкой и железным язычком. В тоже время Пильнинский I могильник расположен над описанным выше могильником, на господствующей высоте вытянутого мыса отрога коренной террасы (рис. 17). Интересно, что обнаруженный могильник Юморга I также расположен на мысовидном отроге коренной террасы.

Таким образом, погребальные традиции писеральско-андреевского типа памятников выглядят довольно неоднородно. Обрядовое разнообразие сочетается с некоторыми различиями погребального инвентаря, которые, очевидно, несут хронологический характер. Все это позволяет наметить как минимум два культурно-хронологических горизонта (КХГ), специфика которых заключается в широком распространении определенных комплексов материальной культуры с характерными признаками духовной культуры на определенном хронологическом этапе. При этом, культурно-типологические ситуации не обязательно должны иметь причинно-зависимые связи во времени. Различия между горизонтами могут зависеть от конкретных обстоятельств, в число которых могут входить различные дифференцирующие факторы от миграционных и военнополитических до демографических, этносоциальных и разнонаправленных торгово-экономических [85, с. 18].

Ранний культурно-хронологический горизонт писеральско-андреевского типа памятников складывается из памятников типа Ан-

дреевка-Пильна, в число которых входят Андреевский и Староардатовский курганы, грунтовые могильники Пильнинский I и Юморга I. погребальные комплексы этого горизонта хронологически тяготеют ко второй половине I в. н.э. – первой половине II в. н.э. Второй горизонт характеризуется памятниками типа Писералы-Климкино, в число которых, очевидно, входит погребение Пильнинского II могильника и хронологически ближе ко второй половине II в. н.э.

Отдельного рассмотрения заслуживают воинские захоронения Пильнинского могильника, вещевой инвентарь погребальных комплексов которых (рис. 18-21) очень близок Андреевскому и Староардатовскому курганам.

Погребальные камеры основных захоронений Пильнинского могильника (рис. 23: В, Г; рис. 24-25) по своим размерам сопоставимы со Староардатовским захоронением (рис. 15) и ранними могилами Андреевского кургана (рис. 10; 11), а присутствие подчиненных захоронений сопровождающего характера, которые увязываются нами с рабами или слугами, лишь усиливают уровень сходства. В значительном по размерам (4x2 м) погребении 7 Пильнинского могильника был обнаружен палаш с навершием в виде «рожек», концы которых оформлены многогранными головками и прямым перекрестием, имеющим аналогии пока только в материалах 3 группы Андреевского кургана [17, рис. 26: 3], хронологическая позиция которой была определена в свое время первой половиной II в. н.э. [17, с. 55-56].

Основное отличие Пильнинского могильника от Андреевки и Староардатова кроется в отсутствии курганных насыпей. Однако, если принять во внимание возможное вторичное использование курганов бронзового века на высоких водоразделах и расположения грунтовых могильников Пильна и Юморга на мысовых отрогах высоких коренных террас, то мы заметим в расположении могильни-

ков общие черты, основной из которых является выбор мест захоронений на господствующей высоте с обзором прилегающей территории на многие километры. Думается, что в этом заключается принцип владения всей видимой территории с могильника, где захоронены члены рода или племени. Для мигрантов-завоевателей на раннем этапе (КХГ Андреевка-Староардатово) это особенно важно в плане обоснования легитимности своего владения этой землей, что оказывает стимулирующее воздействие на деятельность социума и мотивации посредством объяснения результатов завоевания и права владения [27].

Помимо разнообразия типологических особенностей погребальных объектов непосредственно сам погребальный обряд на разных памятниках писеральско-андреевского типа различен. В Андреевке был насыпан большой курган диаметром 30 м при высоте 0,6 м (распахан). Он входил в группу из трех насыпей, однако захоронения первых веков н. э. были обнаружены лишь под одним курганом. Второй курган, вероятно, представлял собой синхронный обрядово-поминальный объект. Он располагался в 300-400 м к юго-востоку от кургана 1, диаметр насыпи – 36 м, высота – 0,9 м. Под насыпью были обнаружены обугленные плахи от какой-то сгоревшей деревянной конструкции, два кострища с челюстью коровы и зубами лошади рядом с ними, подпрямоугольная вытянутая яма со столбом внутри и высокий лепной сосуд усеченно-сфероконической формы с псевдородожными отпечатками на поверхности [17, с. 54-56].

В кургане № 1 достоверно изучено 45 погребений, содержащих 51 захоронение (рис. 8, 9). Исследователи разделяют все погребения на грунтовые, к которым принято относить центральную погребальную камеру (погребение 1 группы по В.В. Гришакову) и 10 могил, расположенных вокруг центральной (2 группа), а также впускные в курганную насыпь (3-4 группы), не имеющие четкой планировки.

Все погребения были совершены в подпрямоугольных ямах по обряду ингумации в положении на спине. В целом преобладает северное направление ориентировки покойных (73,9%), представлены также южное (21,7%) и восточное (4,4%).

Центральная могила №25 (рис. 10) представляла собой обширную камеру с высокими (0,77 м от дна могилы), широкими (до 60–70 см) продольными плечиками, вытянутую по линии северо-восток – юго-запад. Размеры могильного пятна 6,6×4,5 м. На уровне плечиков было сооружено древесное перекрытие, поддерживаемое шестью симметрично расположенными столбами. На перекрытие вдоль северо-восточной торцевой стенки были положены череп и четыре конечности лошади, отделенные выше метаподий (шкура). Размер камеры 6,4×2,88×2,4 м. Стенки по периметру были обложены деревом. На дне прослеживались пять поперечных канавок от деревянных лаг, на которые была положена древесная подстилка для умерших. Погребение содержало четыре мужских захоронения. Три костяка лежали в центральной части ямы параллельно друг другу головами на северо-восток и сопровождалась богатым довольно стандартным инвентарем, расположенным в определенном порядке. Он состоял из украшений и предметов костюма (бусы, крупные застёжки, поясные наборы), оружия (мечи и кинжалы, копья и дротики, колчаны со стрелами, доспех) и конского снаряжения. В изголовье центрального костяка было зафиксировано ожерелье из пяти вырубленных и просверленных верхних человеческих челюстей. Четвертый костяк был положен со связанными за спиной руками в ногах у основных захороненных и ориентирован головой на юго-восток.

Погребения 2 группы представлены могилами с 1-2 плечиками или без них (рис. 11). Могилы с плечиками представляют собой упрощенный вариант центрального погребения – размерами до 4,2×2,5 м (с плечиками), они содержат парные захоронения, имеют

деревянную облицовку или следы подстилки, канавки от поперечных плашек, близкий вещевой набор, остатки лошади. Могилы без плечиков чаще всего представляли собой простые грунтовые ямы меньшего размера (взрослые 2,2-3,4×1,4-1,65 м), практически без применения дерева, среди воинского инвентаря отсутствовали мечи и удила. В могилах 2 группы появляется погребальная посуда.

Погребения 3 и 4 группы являются грунтовыми ямами без следов деревянных конструкций, размерами (2,1-2,5×0,5-1 м). В нескольких случаях была прослежена подстилка из луба или лубяное покрытие. Характерны индивидуальные захоронения. Мужские захоронения более глубокие, длинные и узкие (ширина около $\frac{1}{4}$ длины), женские – шире и меньше. Посуда, как правило, ставилась в ногах покойных. В отличие от погребений 1-2 групп здесь появляется заупокойная пища, дары умершему в виде ценных предметов и др. Для 3 группы характерны более богатые комплексы, чем для 4 [17, с. 32-40].

Староардатовский курган также входил в группу из нескольких насыпей, из которых к писеральско-андреевской относилась лишь одна (рис. 15). Его диаметр составлял 20 м при высоте 0,5 м. В центральной части насыпи располагалась могила подквадратной формы размерами 2,6×2 м со следами поперечных плашек и древесного перекрытия, опирающегося на широкие (около 0,60-0,65 м) продольные материковые плечики. Погребальная камера имела размеры 2,6×0,7 м при глубине 2,3 м от верха кургана. Захоронение мужское, совершено по обряду трупоположения. Умерший был положен на спине головой к юго-востоку с вытянутыми вдоль туловища руками. Под погребенным прослежена подстилка из продольно расположенных плашек. Сверху он был покрыт лубом. Погребальный инвентарь состоял из наконечников копий, меча, рукояти ножа, бусинного ожерелья, богатого поясного набора и за-

стежки. В.В. Гришаков считает, что данное захоронение можно отнести к 1 группе захоронений, выделенных на основе центральной могилы Андреевки [17, с. 62-65].

Писеральский и Климкинский могильники представляют группы из пяти (Писералы, рис. 4) и двух (Климкино, рис. 5) небольших курганов. Погребения (28 в Климкино, 21 в Писералах) были перекрыты небольшими округлыми или вытянутыми в плане курганными насыпями (в Писералах: высотой 1,1-1,2 м, размерами 15×8, 11,2×10,65 м, круглый курган диаметром 12 м; в Климкино: высотой до 1,3 м, диаметром до 13 м). Курганы засыпались после совершения всех захоронений (Климкино) либо отдельно над каждым погребением, а затем над всеми (Писералы). В Климкинском курганном могильнике часть погребений располагалась за пределами насыпей. Фиксируются столбовые ямы в южной части и яма от крупного столба в центральной части Климкинского 1 кургана (Климкино, к. 1). Там же после совершения погребений площадка была сnivelирована и засыпана углистым слоем с отдельными вещами. В Писеральском могильнике было зафиксировано два скопления зубов лошади. В раскопанных Писеральских курганах и Климкинском 2 фиксируется расположение погребений вокруг одного центрального, в Климкинском 1 кургане – рядность погребений, вытянутых в 4-5 рядов по линии 3–В по всей площади кургана. Могильные ямы подпрямоугольной формы с закругленным углами, с расширением в области головы (2 п.), с уступами-заплечиками (8 п.) по всему периметру могилы, в одном – в области головы (Климкино). В нескольких случаях отмечена забутовка стенок. В Писеральском могильнике в трех случаях зафиксированы овальные погребения. Размеры ям: Климкино: длина 142-295 см; ширина 45-110 см; глубина до 90 см (от уровня погребенной почвы); Писералы: длина 180-270 см; ширина 50-95×15-70 см; глубина до 15-70 см. В одном случае в Климкинском могильнике и

в семи в Писеральском погребения совершены на уровне дневной поверхности. Ориентировка: головой на ССЗ (Климкино), на В (9 погр.), ЮВ (4 погр.), Ю (3 погр.) (Писералы). В Климкинском могильнике в пяти случаях обнаружена песчаная подсыпка дна могилы, в двух случаях – подстилка из коры, шкур, деревянных плашек, в Писералах все погребенные располагались на дубовых плашках или обкладывались ими. В Климкинском могильнике (к. 1) отмечаются столбы или вешки по контуру могил [8, с. 111]. Погребальный обряд представлен трупоположениями с инвентарем, расположенным в порядке ношения при жизни (20 случ.), или безынвентарными [28, с. 205-207; 78, с. 116-138]. В материалах Писеральского могильника зафиксирован жертвенный комплекс – свернутый пояс в изголовье (к. 1, п. 1) [78, с. 117].

Погребения памятников писеральско-андреевского типа сопровождались разнообразным инвентарем. Довольно богаты и материалы поселений этого круга. Инвентарь представлен украшениями и деталями одежды, оружием и конским снаряжением, орудиями труда и бытовыми предметами [25, с. 43-62; 53, с. 50-107].

4.2. Украшения и детали одежды

На памятниках писеральско-андреевского типа практически неизвестны находки деталей *головного убора*. Лишь в Климкинском могильнике (к. 1, п. 15), по предположению авторов раскопок, были зафиксированы остатки шапочки или головной повязки. Они представляли собой 15 круглых плоских бляшек, нашитых на тканевую основу, круглые грибовидные бляшки выше и ниже них, соединенные кожаным шнуром с двумя подвесками в виде тонких бронзовых трапецевидных пластин.

Височные подвески представлены несколькими типами изделий: бронзовые круглые крупные (d=5-7 см) кольца с несомкну-

тыми приострешенными концами, в том числе с напускными стеклянными синими и золочеными бусами; золотое (?) круглое небольшое кольцо (d ок. 2,5 см) с несомкнутыми (?) сужающимися концами; золотые и бронзовые закрученные в спираль (в 2-5 оборотов) небольшие (d ок. 1,5-2 см, l ок. 2 см) круглопроволочные кольца (рис. 13Б: 2); золотая подвеска со спиралькой в 3 оборота и коротким стержнем с каплевидным грузиком на конце (рис. 13Б: 1); пластинчатые подвески из бронзы.

Характерны бронзовые круглопроволочные *гривны* со «скользящей петлей» с крючком с грибовидной конической головкой, в т. ч. состоящие из двух перекрученных экземпляров (рис. 13Б: 3-5).

Наиболее многочисленную категорию украшений составляют *бусы*. Они использовались как мужчинами, так и женщинами, в первую очередь в шейных ожерельях, а также в единичных случаях в женских поясных украшениях, височных кольцах, нагрудном украшении, в отделке одежды и оружия. В.В. Гришаковым на материалах Андреевского кургана выделено семь устойчивых моделей их формирования. При их обобщенной характеристике можно отметить, что в целом преобладают золоченые трехслойные изделия (типы 1 а-б, 2а-б, 4, 8, 10, 11, 12, 16, 22 по Е.М. Алексеевой). Весомую долю имеют также краснопастовые (типы 3, 53, 57) и синие (типы 15, 16, 26, 66, 101) бусы. Гораздо меньше находок желтых (тип 5), зеленых (типы 5, 150), темно-лиловых (тип 4), бирюзовых (типы 13, 66), бесцветных (тип 17) бус, единичны сердоликовая (тип 2а), хрустальная (тип 2а), янтарная и разные типы полихромных (типы 47а, в, 55в, 73, 81, 106, 132, 133, 194, 195, 248, 249, 319, 395, 396, 415, 430, 437) бус [2; 3; 4]. Известны также медные бочонковидные бусы и керамическая шаровидная бусина.

Весьма характерны нагрудные бронзовые литые прямоугольные пластинчатые *ажурные бляхи* с орнаментом, состоящим из ря-

дов сквозных треугольников, полуцилиндров, полусферических выпуклин, каплевидных фигур, с валиковым окаймлением, с петлями или иглой с приемником на обороте (рис. 13Б: 6, 7). Близки к ним по стилю ажурные бронзовые бляхи с треугольными прорезями на уплощённой поверхности, небольшими полусферами по краю, с веревочным орнаментом с петлями на обороте из Тиханкинскогоклада [53].

В Климовском 1 кургане были найдены *составные нагрудники*, представляющие собой определённое сочетание бус и металлических украшений, нашитых на берестяную, кожаную или матерчатую основу.

Характерно использование в костюме мелких круглых *бляшек-накладок*: плоских, слегка выгнутых, конических и умбоновидных с петлями, планками и штырьками на обороте. Есть и многочастные экземпляры (рис. 13А: 15-19, 26).

Также типичны круглые уплощенные *бляхи из золотистой бронзы*, вырезанные/вырубленные из зеркал с центральным отверстием, закрывающейся маленькой выпуклой бляшкой-скорлупкой, через которую продевался кожаный шнурок. Близки к ним круглые плоские полированные бляхи с петлями на обороте. Круглые бляхи применялись на поясных кистях (рис. 13Б: 10, 11), для украшения ножен мечей и кинжалов, а также находились между верхними челюстными челюстями в центральном погребении Андреевки.

Очень многочисленной категорией украшений являются нагрудные *застежки*: это кольцевые фибулы плоские, либо круглого, либо треугольного сечения с литыми цилиндрическими концами-трубками и с завернутыми в трубочку концами; округлые застёжки с пуговковидными выступами и приостренной дужкой в нижней части рамки (рис. 13В: 4; 21: 10); ажурные пенснеобразные застёжки-сюльгамы с миндалевидной рамкой с коническими и уплощенными бляшками, с валиковым кантом (рис. 13В: 6; 21: 8-9).

С Андреевкой связаны находки четырех фибул типа «Avcissa» (рис. 13В: 7). Еще одна известна с Большеалгашинского городища.

Браслеты представлены круглопроволочными спиральными бронзовыми экземплярами, свернутыми в 3-4 оборота (рис. 13Б: 8); одновитковыми с концами, оформленными в виде грибовидной головки (рис. 13Б: 9); фрагментами железного многовиткового браслета; бронзовым массивным несомкнутым с насечками на слегка приостренных концах; есть и фрагменты пластинчатых экземпляров – железный неорнаментированный и бронзовый с линейными вдавлениями и полусферическими выступами. В коллекции представлена также нарукавная повязка из бронзовых бус, пластинок и спиралек.

Ременная гарнитура включает пряжки, накладки и подвески. *Пряжки* их бронзы и железа разнообразны и делятся на нескольких групп: застёжки с неподвижным крючком (трапециевидные, круглые, зооморфная) (рис. 13А: 5, 8); эполетообразные застёжки с круглой выпуклой задней пластиной; большие удлиненно-прямоугольные пряжки с подвижными язычками (рис. 13А: 1, 9, 10; 21: 1, 3); малые пряжки с округлой рамкой как замкнутой (рис. 13А: 27, 28; 21: 2, 5, 11-13), так и с раскованными концами, соединенными заклепкой (рис. 13А: 23, 24), в частности характерны круглые пряжки с расширениями на язычке (рис. 13А: 21, 22; 21: 4); представлены дериваты пряжек типа Радатц U и С (рис. 13А: 11-14, 25, 34). В коллекции имеется костяная пряжка трапециевидной формы с выступом для застегивания в передней части (рис. 13А: 8). В Писералах найдена наборная застёжка, состоящая из ремешка с бронзовыми обоймами, бляшки-пуговицы и костылька. Многочисленны бронзовые поясные накладки конической формы с поперечной планкой (рис. 13А: 2), использовались своеобразные бронзовые ажурные привески в виде диска с двумя ложножгутовыми планками, заканчивающимися трехчастными петлевидными выступами (рис. 13А:

29). Разнообразны *поясные подвески*: «сапожковидные» (одночастные, парные, двухярусные) (рис. 13А: 3, 4), трубчатые с рифленной поверхностью и ажурным расширением в нижней части из 2-4 полос, «лапчатые», подвески-«псевдоцикады», широколопастные с овальным круглопроволочным основанием (рис. 13А: 31-33).

Кожаные шнуры с подвесками, как правило, продевались в бронзовые *пронизи* (кольцевидные, перстневидные, бочковидные, полуцилиндрические, усеченно-биконические, спиральные) и *обоймы*, согнутые из пластинок.

4.3. Оружие и конское снаряжение

Характерной особенностью памятников писеральско-андреевского типа является высокая степень вооруженности захороненных воинов. Особенно ярко эта тенденция наблюдается в ранних могилах Андреевки и Староардатово. Большое количество предметов вооружения происходит из разрушенных грабителями погребений Писеральского I могильника. У населения, оставившего Писеральский и Климкинский могильники, воинских погребений в процентном отношении ко всем захороненным значительно меньше.

Клиновое оружие представлено мечами, палашами и кинжалами.

К мечам относятся двулезвийные клинки с линзовидным или ромбовидным поперечным сечением, среди которых выделяются два типа: с прямым напущенным перекрестием и стержневидной рукоятью (рис. 12А: 1; 18: 3); без перекрестия со стержневидной, слегка уплощенной рукоятью, расширяющейся к основанию (рис. 12А: 2). Около перекрестия клинка из погребения 25-2 Андреевского кургана обнаружена бусина из коренного человеческого зуба с просверленным отверстием, а из погребения 54 – деревянная ворворка коромысловидной формы с отверстием (рис. 12А: 7). Ножны писеральского меча были украшены бронзовой круглой бляхой.

Палаши составляют вторую группу рубяще-колющего оружия и являются однолезвийными клинками удлинненно-треугольного поперечного сечения двух типов: без навершия с прямым перекрестием из согнутой по обушку клинка пластины, с кованой у лезвия (иногда без перекрестия) и стержневидной рукоятью (рис. 12А: 4; 18: 4,6); с напущенным железным навершием, преимущественно в виде «рожек», концы которых оформлены многогранными головками (рис. 12А: 3; 18: 5, 7, 8). Рукояти зачастую обложены деревянными накладками и обмотаны бронзовой лентой, кожаным ремешком или нитью.

Палаши имели деревянные ножны, обтянутые красной кожей, украшенные в нижней части крупными бронзовыми полированными бляхами с петельками на обороте или с отверстием, закрытым полусферической бляшкой. Ножны из погребения 50 Андреевки были дополнительно декорированы по торцу рядом мелких бронзовых полусферических с планкой для крепления, а из погребения 25-1 – цельнолитым наконечником ножен из белого сплава удлинненно-трапецевидной формы. Его верхняя окантовка оформлена в виде противолежащих двух рядов ложножгутового орнамента, нижняя – неорнаментированными валиками, с планкой на обороте (рис. 12А: 9; 19: 4). Ножны палаша из Пильнинского могильника оформлены цельнолитым бронзовым наконечником-бутеролью клыкообразной формы. Верхняя окантовка лицевой части наконечника украшена тремя рядами ложножгутового орнамента и рядом прорезных треугольников, с планкой на обороте (рис. 18: 8; 19: 2).

Кинжалы представлены тремя типами: двулезвийные кинжалы с кольцевым навершием и перекрестием (рис. 12А: 5); двулезвийные кинжалы линзовидного сечения, без навершия и перекрестия; однолезвийный боевой нож без навершия с уплощенным черешком, обложенным деревянными накладками, которые обмотаны бронзовой лентой.

В ряде случаев кинжалы располагались в деревянных или кожаных ножнах. Кинжал из погребения 25-1 Андреевки имел деревянные ножны, крепившиеся к портупее бронзовой коромысловидной ворворкой с отверстием и украшенные бронзовыми полированными бляхами, одна из которых имела отверстие, а другие пять – петельки на обороте. Концы ножен из Писеральских курганов были обложены медными обоймами, а к середине ножен с внешней стороны была прикреплена круглая бляха из оловянистой бронзы.

К *древковому оружию* относятся копья и дротики. Наконечники копий представлены следующими типами: с коротким широким пером, имеющим слегка приподнятые плечики, и длинной втулкой, как правило, с выраженным осевым ребром; с коротким узким пером и опущенными плечиками, с выраженным осевым ребром или уплощенно-ромбическим сечением; удлинённым узким пером с низко опущенными плечиками, длина которого составляет около половины общего размера, сечение пера уплощенно-ромбическое; широколезвийные образцы с короткой втулкой, сечение пера уплощенно-линзовидное (рис. 12Б:1-7; 16: 1, 2; 18:1, 2).

Уникальными находками в погребениях 25-1 и 54 Андреевского кургана являются надеты на наконечники копий футляры из белого сплава (оловянистая бронза) удлинённо-трапециевидной формы. Их корпус согнут из кованой пластины и украшен противоположащими рядами подпрямоугольных прорезей, образующих «елочный» орнамент. Основания имеют напаянные концевые обоймы, одна из которых оформлена в виде ложновитого валика, а на обороте – еще две поперечные планки для придания жесткости конструкции. Вдоль ложновитого валика экземпляра из захоронения 54 имеется ряд треугольных прорезей. На одной из сторон футляра напаяны два колечка для крепления флажка или другого атрибута воинского опознавательного знака (рис. 12Б: 1). Наконечники дротиков однотипны: с пером, имеющим хорошо выраженные два опущенных шипа и ромбическое сечение.

Оружие дистанционного боя зафиксировано по различным *наконечникам стрел*, изготовленным из железа и кости. Они являются самой массовой находкой среди предметов вооружения исследуемых памятников. Первая группа представлена костяными трехгранными наконечниками. К 1 типу отнесены наконечники с упором для древка, образованным подрезом граней под прямым или тупым углом к утонченному концу, как правило, шестигранному черешку (рис. 12Г: 1, 6; 20: 6, 8). У наконечников 2 типа упор для древка отсутствует, а конец черешка заострен путем среза обычно одной из граней. Во вторую группу выделены костяные наконечники с ромбовидным сечением головки (рис. 12Г: 11, 13). К 1 типу отнесены крупные удлинено-пропорциональные экземпляры с остроугольным подрезом шипов и ромбовидным черешком, заостренным путем среза обеих широких граней. Тип 2 представлен единственным крупным наконечником с удлинено-треугольным пером и прямоугольным подрезом шипов при переходе в массивную упорную муфту округлого сечения. Тип 3 – небольших размеров, с удлинено-треугольным пером, плавно срезанными плечиками и заостренным черешком округлого сечения. Тип 4 – небольших размеров, с широким треугольным пером ромбовидного сечения и круглым черешком. Третью группу образуют костяные цилиндрические наконечники (рис. 12Г:14, 15; 20:13-19). К 1 типу относятся экземпляры со сквозным отверстием для насадки на древко. Ко 2 типу – цилиндрические с втулкой. Четвертую группу составляют железные двушипные наконечники с ромбическим или линзовидным сечением пера, с округлым длинным черешком, с расплюснутым концом, либо втульчатые с короткими шипами (рис. 12Г:16-18; 20:1-4). В пятую группу входят железные трехлопастные черешковые наконечники стрел (рис. 12Г:20, 21; 16:10; 20:9-11). К 1 типу относятся мелкие однотипные наконечники с треугольной головкой и лопастями, срезанными под прямым углом к короткому черешку, 2 тип трехлопастных черешковых

стрел характеризуется сводчатой головкой. Единственным экземпляром представлен железный наконечник с листовидным пером уплощенно-треугольного сечения (рис. 12Г:19).

В некоторых погребениях были зафиксированы берестяные (лубяные) *колчаны*, вероятно, подпрямоугольной формы. При этом длинные стороны берестяного листа, из которого сворачивался футляр, в некоторых случаях вставлялись в паз деревянного стержня с бронзовыми или железными обоймами, в других – обжимались металлическими пластинками или, возможно, просто сшивались. В одном случае в верхней части колчана около стержня была сделана квадратная прорезь для привешивания. Этой же цели, по-видимому, служили бронзовые пряжки, обнаруженные попарно около нижнего конца футляра в погребениях 2 и 54 Андреевского кургана, в последнем случае – в сочетании с деревянной ворворкой, бронзовым кольцом и обоймой в верхней части колчана.

Защитное вооружение находилось в мужских погребениях Андреевского кургана 25-1 и 50. Предметы защитного вооружения представлены кольчугами, поверх которых лежали шлемы, изготовленные из железных пластин с отверстиями для крепления между собой и к мягкому оголовью. В материалах разграбленного грабителями Пильнинского I могильника присутствуют два шлема типа «Шпангенхельм» [25, рис. 34], один из которых плохой сохранности, фрагменты спекшихся доспехов кольчужного плетения и чешуйки ламеллярного доспеха (рис. 20:12).

Предметы *конского снаряжения* представлены трензельными удилами с псалиями различных типов. По оформлению концов псалий выделяются следующие разновидности. К 1 типу относятся железные, в одном случае бронзовые, псалии с прямообрубленными утолщенными концами (рис. 12В:2; 18:12). Псалии 2 типа (рис. 12В:1, 3, 5, 7, 8) имеют на концах кольца или округлые раскопанные концы различного диаметра: а – овальной формы размерами

6,3×7,7 см, со сплошной бронзовой инкрустацией по лицевой стороне, б – круглой формы диаметром 2,5-3,0 см, со стержневидным выступом с шишечкой. 3 тип представлен псалиями с расплюснутыми лопатковидными концами двух вариантов: а – с наклепанными бронзовыми полусферическими накладками на концах и бронзовой инкрустацией по стержню и боковым выступам, б – концы раскованы непосредственно за боковыми выступами.

Уздечка из погребения 54 была украшена 10 бронзовыми круглыми пластинчатыми накладками с рядом мелких полусферических выпуклин по краю и крупной «жемчужиной» в центре, окруженной точечным орнаментом, на обратной стороне которых наклепаны пластинчатые дужки для продевания ремня (рис. 12В: 9). К элементам уздечки относится, возможно, бронзовая литая обойма подпрямоугольной формы с округленным пластинчатым концом, орнаментированная двумя зонами поперечных валиков и продольными бороздками (рис. 12В: 4).

4.4. Орудия труда и бытовые предметы

Ножи (рис. 13Г: 1, 2) представлены тремя типами: серповидными ножами с плавно вогнутой спинкой; с горбатой спинкой; с прямой спинкой.

В области пояса женского погребения 4 Андреевского кургана был обнаружен бронзовый *двухсекционный футляр*, скорее всего, для ножа и шила, основная секция которого отлита с поперечными планками на обороте (рис. 13Г: 4).

Оселки каменные имеют стержневидную форму длиной 8–9 см с просверленным отверстием для подвешивания (рис. 13Г: 3).

Ворворки, использовавшиеся для крепления предметов вооружения, представлены двумя типами: бронзовые или железные петлевидные приспособления с прокованным двухканеллюрным стерженьком, бронзовые или деревянные коромысловидной формы с отверстием в центре.

Железные штыри, обнаруженные в мужских погребениях с оружием, представляют стержень длиной до 45 см, округлого сечения, заостренный на одном конце и с шляпковидным утолщением на другом, два других – длиной около 21 и 37 см, круглого сечения, скручены из двух заостренных к концу стержней, на основание которых надета рукоять из короткой железной трубки в одном случае и костяная – в другом (рис. 12А: 6). По одной версии, подобные артефакты могли служить знаком отличия, своеобразным символом власти, неким подобием скипетра. По другой – эти изделия можно соотнести с костяными пьяноборскими «проколками» [1, с. 50, табл. 19: 6, 9). Также вероятно, что подобные предметы вполне могли служить для подцепления кусков мяса из варочной посуды.

Железные скобели двухстороннего типа подпрямоугольной формы с закругленными углами и обоюдоострым лезвием уплощенно-ромбического сечения (рис. 13Г: 6).

Железные *топоры-кельты* относятся к типу топоров с незакрытой втулкой.

Шилья железные, изготовленные из четырехгранного прута, ближе к концам круглые в сечении (городище «Пичке Сърчѐ»).

В нескольких погребениях найдены *кремневые отщепы*. Вероятно, они являются огнивыми кремнями.

На городище «Пичке Сърчѐ» было найдено огромное количество *керамических грузил* от ткацкого станка колоколовидной, усеченно-пирамидальной, дисковидной формы.

Керамические пряслица имели уплощенную дисковидную, таблечковидную, бочковидную и катушковидную форму. Известны точеные пряслица из черепков сосудов.

На городище «Пичке Сърчѐ» были обнаружены фрагменты керамических фигурок *животных*.

Керамическая посуда лепная, кострового обжига, имеет бугристую, обычно заглаженную внешнюю поверхность серо-коричневого, черного цвета. В целом памятники писеральско-андреевского

типа диагностируют начало функционирования Присурского очага керамических традиций первой половины I тыс. н.э. Для него характерно преобладание слабопрофилированных горшков низких пропорций, слабопрофилированных банок с подцилиндрическим туловом, слабопрофилированных мисок высоких пропорций, бокаловидных и чашевидных сосудов усеченно-конической и усеченно-сфероконических форм, наличие грубых шамотных примесей в тесте, небрежная обработка поверхности сосудов при крайне редкой орнаментации. Истоки этой традиции остаются непонятными, однако их дальнейшее развитие явно связано с формированием древнемордовского керамического комплекса (горшки типа А15б, миски типа Г21б, чаши типа Е47д, бокалы типа Д41е по В.В. Гришакову) [13, с. 101, 102].

В Андреевском кургане была обнаружена импортная римская металлическая посуда. В частности, это полусферическая *бронзовая чаша* южноиталийского производства типа Eggers 91 из разрушенного захоронения в насыпи кургана (рис. 13Г: 8), а также кованый котелок галло-римского производства [40] с железным обручем под венчиком и железной дужкой (рис. 13Г: 7), который был поставлен в засыпку мужского погребения 21.

Посуда, изготовленная из дерева, обнаружена в погребениях 21 и 32 Андреевского кургана, причем в первом фрагменты чашки или ковши располагались в котелке галло-римского типа. В обоих случаях сохранность посуды была крайне неудовлетворительной, поэтому форма не восстанавливается. Сосуд из погребения 32 был окован бронзовой полосой с орнаментом из рядов мелких полушарных выпуклин.

Согласно многолетним разработкам В.В. Гришакова, центральное погребение Андреевского кургана может быть датировано серединой I в. н. э., совершение погребений 2 группы приходится на

третью четверть I в. н. э. С этими погребениями может быть синхронизирован и Староардатовский курган. Верхняя хронологическая граница 3 и 4 групп впускных погребений приходится на начало (может быть, первую четверть) II в. н. э. В целом основная масса впускных погребений была совершена в последней четверти I в. н. э. Остальные памятники не имеют столь узкой датировки и в целом писеральско-андреевский горизонт в широких рамках вписывается в период с середины I по середину II в. н. э. [17, с. 41-53; 53, с. 107].

5. ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ ПИСЕРАЛЬСКО-АНДРЕЕВСКОГО ТИПА

Проблемы появления и функционирования памятников круга писеральско-андреевских древностей, какие группы населения участвовали в их формировании и какова была их историческая судьба пока не имеют ясного и однозначного ответа. Сложность решения этих вопросов заключается, прежде всего, в уникальности самих некрополей, так как археологических памятников, сочетающих подобный погребальный обряд и материальную культуру, за пределами Посурья пока не выявлено. Всем исследователям очевидно пока одно – их появление связано с проникновением в местную среду инородного населения.

Исследованные археологами Писеральский курганный могильник [77; 78], Андреевский [68; 71; 73] и Староардатовский [14] курганы являются памятниками, отразившими сложные этнокультурные процессы, происходившие в лесостепных районах Западного Поволжья в конце эпохи раннего железного века. Однако и по сей день материалы этих могильников не получили однозначную исследовательскую оценку. Археологические работы Г.А. Архипова и А.И. Шадрина на Климкинском курганном могильнике в 1991 и 1993 годах [8] и А.В. Михеева в 2003-2004 гг. [28], С.Э. Зубова на Пильнинских могильниках в 2010 году [29] расширили не только источниковую базу, но и круг вопросов по проблемам датирования и этнокультурной интерпретации этих памятников.

В настоящее время все они объединены в группу памятников писеральско-андреевского типа [79; 19; 8; 20; 14; 28]. Большинство исследователей склоняется к мнению о пришлом характере населения, оставившего эти памятники. В последнее время разрабатыва-

ется концепция «военного выплеска» в рамках теории малых миграций [20, с.49; 14, с.53; 22, с.78-82]. В.И. Вихляевым памятники этого круга рассматриваются сквозь призму единой археологической культуры – андреевской, «эталонным памятником для определения датировки» которой «является Андреевский курган» [11, с. 43].

Малочисленность памятников этого типа определила особый к ним интерес. Основными вопросами, которые интересовали исследователей, стали происхождение населения, оставившего рассматриваемые могильники, и хронологическая позиция погребальных комплексов.

А.Х. Халиков, исследовавший Писеральские курганы, в первой публикации материалов этого памятника отмечал их «наибольшую близость к соответствующим явлениям пьяноборской культуры». При этом «обычай насыпания курганов мог возникнуть при продвижении пьяноборцев на запад», произошедшем вследствие натиска «уральского населения» [78, с. 133-136]. В дальнейшем он несколько откорректировал свою точку зрения на проблему сложения населения, оставившего Андреевский и Писеральские курганы. А именно – из числа смешанных племен, вобравших в свою культуру как позднесарматские, так и позднепьяноборские особенности, а также новые южносибирские черты [79, с. 15-16]. Подкорректированные выводы сводились к тому, что исходный центр этого населения исследователю виделся «где-то в районе, который на юго-западе граничил с областью распространения савромат и сармат, на северо-западе близко подходил к пьяноборской территории, на северо-востоке не удалялся от лесостепного Зауралья и Западной Сибири, где в I тысячелетии до н.э. расселялись угро-самодийские племена [50], а на востоке контактировал с другими тюркоязычными и, возможно, монголоязычными племенами» [79, с. 17]. Этим, собственно, и объяснялось наличие в материалах рассматриваемых памятников пьяноборских и сарматских элементов.

П.Д. Степанов, автор раскопок Андреевского кургана, представлял себе население, оставившее данный памятник, сложившимся из трех компонентов: городецкого, ананьинско-пьяноборского и «савромато-сарматского» [73, с. 46-47]. Основываясь на материалах этого некрополя, он предложил следующую интерпретацию. Население, оставившее ранние погребения Андреевки, является городецким в своей основе. При этом оно восприняло и переработало «элементы культуры ананьинских и пьяноборских племен», дав начало древнемордовской культуре. «Накануне начала нашей эры в среду бывших городецких племен... вторгаются конники-завоеватели», через которых в «Андреевский курган проникает третий компонент – савромато-сарматский» [73, с. 46-47].

Интересный и неоднозначный материал, полученный в ходе раскопок Андреевского и Писеральских курганов, привлек к себе большое внимание со стороны многих исследователей, поднимающих вопросы этнической истории Поволжья и близлежащих регионов в раннем железном веке и раннем средневековье.

Ю.А. Зеленеев, рассматривая данные памятники, делает вывод о сармато-пьяноборском совместном проникновении в Среднее Поволжье [19, с. 82-83]. Г.А. Архипов соглашается с мнением П.Д. Степанова об истоках культуры Андреевского кургана в местной, городецкой среде [7, с. 95], не отрицая и сарматского влияния [7, с. 109]. Подобную точку зрения разделял в свое время и В.В. Гришаков, говоря о двух неразрывно слитых компонентах – сарматском и местном, финно-угорском [12, с. 136], в дальнейшем присоединившись к гипотезе «военного выплеска» С.Э. Зубова [20, с. 49; 15, с. 68]. Г.И. Матвеева видит в андреевских материалах процесс смешения пришлого и местного населения «в результате интеграции пьяноборских и городецких племен при участии пшеворско-зарубинецких компонентов» [43, с. 160]. Спорную позицию по вопросам этнокультурной интерпретации населения, оставившего

Андреевский курган, и датирования погребальных комплексов, занял К.А. Смирнов. Он расчленил погребения Андреевского кургана на «два самостоятельных могильника, оставленных разными группами населения и относящихся к разному времени» [65, с. 3]. Грунтовые погребения, по К.А. Смирнову, «были оставлены населением, в значительной степени воспринявшим сарматскую культуру», а население, оставившее впускные погребения, по его мнению «может быть связано с городецкой культурой» [65, с. 6]. В.И. Вихляев определяет основу населения, оставившего Андреевский курган, из числа пришлых кочевников [10, с. 26-27], где городецкие и прикамские племена играли роль поработанного зависимого населения [11, с. 57]. В дальнейшем исследователь подкрепил свою позицию о кочевническом компоненте многочисленными и «конкретными», на его взгляд, сарматскими аналогиями [11, с. 51].

П.Д. Степанов, разделивший весь погребальный комплекс кургана на «две различные группы захоронений, в то же время в какой-то степени близкие», определяет время совершения захоронений грунтовых погребений последними веками I тысячелетия до н.э., «тогда как впускные погребения хорошо датируются началом нашей эры, в том числе некоторые довольно четко: I веком н.э.» [73, с. 44]. Относительно датировки Писеральского и Климкинского могильников следует указать, что в настоящее время их датируют первыми веками I тыс. н.э. Сами исследователи отмечают, что Писеральский могильник существовал во II-III вв. н.э. [78, с. 135], а Климкинский – в III-IV вв. н.э. [8, с. 119]. С.Э. Зубов и А.В. Михеев вышеназванные памятники датируют в пределах второй половины I в. н.э. – первой половиной III в. н.э., считая не убедительным значительное омоложение Климкинских материалов, а раннюю дату определяют по погребениям курганов 1 и 4 Писеральского могильника, которые, «видимо, следует соотнести с ранними захоронениями Андреевского кургана» [28, с. 216].

Как уже было ранее отмечено, в настоящее время существует несколько точек зрения на происхождение памятников писеральско-андреевского типа. Исследователи выделяют целый ряд компонентов, которые могли составить основу или повлиять на формирование рассматриваемого населения [78, с. 133-136; 79, с. 17; 73, с. 46-47; 43, с. 160; 44, с. 289-292; 19, с. 81, 83; 12, с. 136-137; 15, с. 68; 65, с. 3-6; 20, с. 44-51; 28, с. 222; 10, с. 17-30; 11, с. 49, 51-53, 49]. При самом беглом прочтении этих работ бросается в глаза, что все исследователи, представляя этнокультурную характеристику памятников андреевско-писеральского круга, оперируют в основном тремя компонентами: городецким, пьяноборским и сарматским. При этом комбинации из компонентов самые разнообразные [25, с. 91, табл. 7].

Вопрос о культурных истоках населения, оставившего памятники писеральско-андреевского типа, остается предметом острых дискуссий. Однозначно вопрос их генезиса связан с взаимодействием как местного, так и пришлого этнокультурных компонентов. На сегодняшний день выделяются городецкий, пьяноборский, пшеворо-зарубенецкий, южно-сибирский, саргатский, сарматский, кара-абызский компоненты в их сложении [17, с. 73, 92, табл. 4]. В научной литературе анализу этнокультурных компонентов сложения памятников писеральско-андреевского типа посвящен ряд публикаций [17; 25; 30], что избавляет от необходимости разбора каждого из компонентов или их сочетаний.

Исключая или подвергая критике традиционные сарматские, городецкие и пьяноборские компоненты новую точку зрения на условия, причины появления и этнокультурную интерпретацию памятников писеральско-андреевского типа высказал С.Э. Зубов. Он считает возможным их появление связать не с миграцией «...какой-то части народа», а рассматривать эти памятники как военный «выплеск», когда группа воинов, «объединившись вокруг удачливого

предводителя в военный отряд, ...отправлялась на завоевание своей территории» [20, с.49]. В качестве гипотезы, «в некоторой степени близкой к точке зрения А.Х. Халикова», исследователь предложил участие основного «...зауральского компонента в сложении населения, оставившего Андреевский курган» [20, с. 48], отмечая «близость некоторых элементов погребального обряда Андреевского кургана, Писеральских и Климкинских могильников с лесостепными племенами саргатской культуры» [28, с. 222]. В обобщающем монографическом исследовании, посвященном новому анализу материалов Андреевского кургана С.Э. Зубов и В.В. Гришаков продолжили идею поиска западносибирских (саргатских) аналогий в культуре андреевско-писеральского населения [17].

К гипотезе «военного выплеска» присоединился и В.В. Гришаков [15, с. 68], который раньше считал, что уже в грунтовых погребениях неразрывно слиты два компонента – сарматский и местный финно-угорский [12, с. 136].

Древностям писеральско-андреевского типа в свое время уделил особое внимание В.И. Вихляев. Рассматриваемые памятники он посчитал необходимым выделить в особую археологическую культуру в Среднем Поволжье, в развитии которой, по мнению автора, прослеживаются три этапа [10, с. 26-27; 11, с. 52-53]. Однако аргументы, которыми оперирует автор, порой представляются малообоснованными и противоречивыми. В целом, хронологические выкладки исследователя выглядят следующим образом: грунтовые погребения Андреевского кургана датируются первой половиной I в. н.э., впускные – концом I-II вв. н.э.; Писеральские курганы – серединой I – серединой II в. н.э.; Климкинские курганы – второй половиной I – началом II вв. н.э. [11, с. 45-49]. Как считает В.И. Вихляев, своим происхождением грунтовые погребения Андреевского и Писеральские курганы были связаны со степной кочевой средой, под которой он, исходя из приводимых аналогий, подразумевает

сарматов, а последующие два этапа рассматриваются им как время воздействия местной среды городецкого и прикамского (пьяноборского) облика на культуру пришлого населения [11, с. 51-52].

Н.С. Мясников и Д.Г. Бугров считают, что более перспективным направлением поиска является юго-западное («позднескифское») [54], хотя приводимые ими аналогии с писеральско-андреевскими древностями имеют хронологическую дистанцию более чем в три века. В.В. Ставицкий скорее видит истоки данного населения в древностях кара-абызской и пьяноборской культур бассейна р. Белой, население которых привела в движение миграция саргатского населения [67].

Сложность выявления пришлого компонента заключается еще и в том, что культура мигрантов в значительной мере потеряла свой первоначальный облик. Наличие устоявшихся гибридных форм (самых прототипов на памятниках мало), обилие местных своеобразных вещей уже в ранних комплексах писеральско-андреевских памятников говорит о том, что перед нами результат значительного взаимодействия пришлого и местного компонентов, очевидно, имевшего место в регионе.

Вопрос о местном компоненте также остается нерешенным. Связь с городецкими древностями остается декларативной, и, вероятно, классических городецких памятников в Нижнем Посурье в первых веках н.э. вообще не было. При этом ряд признаков является общим с волго-окским миром текстильных культур раннего железного века, в частности с дьяковской (по-видимому, посуда, ножи с горбатой спинкой, двушипные наконечники стрел). Несмотря на близкий к пьяноборским изделиям облик ряда изделий, в материалах памятников писеральско-андреевского типа присутствуют и своеобразные вещи: спиральные височные подвески, трубчатые подвески с ажурным расширением, бочковидные пронызи, поясные наконечники-подвески с пластинчатой обоймой,

пряжки с дополнительной поперечной осью, оригинальные прямоугольные ажурные застёжки. Важно также устойчивое место в costume писеральско-андреевского населения других более широко распространенных предметов: использование зеркальных блях на ножнах мечей и кинжалов, сапожковидных подвесок в качестве поясных привесок, обилие застёжек с приостренной дужкой и с миндалевидной рамкой и отсутствие важных диагностирующих предметов пьяноборской культуры (в первую очередь, височных подвесок и керамики). Вероятны устойчивые культурные связи Посьурья и Прикамья и прямое, но ограниченное присутствие «пьяноборцев» в регионе. Достоверного объяснения этому не появится, пока не будут исследованы памятники предшествующего времени.

Таким образом, все исследователи указывают на сложность и неоднородность этнокультурного облика населения, оставившего памятники писеральско-андреевского типа. Но сразу же возникают разногласия, когда поднимается вопрос, кому и в какой степени принадлежал доминирующий компонент в процессе их сложения и с какими определенными историческими событиями связано их появление? К сожалению, стремясь вычлениить те или иные этнические признаки в памятниках писеральско-андреевского типа, авторы подчас не обращали внимания на процедуру выделения достоверно синхронных или хронологически последовательных комплексов, что делало бы их выводы более аргументированными. Поэтому ни одна из предложенных гипотез до сих пор не принята, но и не опровергнута.

6. «ВОИНСКИЙ ВЫПЛЕСК» КАК ОДНА ИЗ ФОРМ МАЛЫХ МИГРАЦИЙ

Как указывалось выше, в контексте миграции-инвазии автором уже рассматривалось явление, условно обозначенное как «воинский (военный) выплеск» – одна из составляющих малых миграций [22].

Если рассмотреть некоторые возможные причины возникновения этого явления, то можно представить их в следующем порядке.

1. Военный поход ради захвата добычи (материальных ценностей, рабов, скота и пр.). Захоронение погибших воинов на чужой территории производилось преимущественно в соответствии с присущей данной этнической группе населения погребальной обрядности. В ряде случаев наземные следы захоронения могли прятать от разграбления или осквернения, но в остальном, на наш взгляд, погребальная практика сохранялась неизменной.

2. Военный поход ради завоевания новых территорий и населения, когда родоплеменная верхушка старейшин не давала возможности молодым честолюбивым воинам выйти на лидирующие властные позиции.

3. Вынужденные перемещения военного отряда, связанные с потерей своих земель, хозяйства и мирного населения в результате поражения в военных действиях от более сильных и удачливых соперников-мигрантов.

4. Вынужденные перемещения населения (племени или нескольких родов), связанные с потерей своих земель или уходом от опасного соседства с милитаристским активным этносом.

5. Малые вынужденные миграции могут быть связаны с поражением в династической борьбе и уходом от политических репрессий на территории, занятые более слабым в военном отношении населением.

6. Принудительное переселение побежденного населения или его части для освоения новых земель или переселение в метрополию в качестве зависимого населения.

Пути решения поставленной проблемы имеют неоднозначный характер, поскольку фундаментальных исследований теоретической базы основ миграционных процессов в российской археологии на сегодняшний день не существует. К этому следует добавить трудности определения причинно-следственных связей миграций на археологическом материале и исходных территорий мигрантов на фоне общей этнокультурной ситуации в регионе и сопредельных территорий.

Данное положение более чем актуально в связи с тем, что на территории Среднего Поволжья (в Мордовии, Марий-Эл и Нижегородской области) выявлен ряд памятников, однозначно имеющих пришлый миграционный характер, материалы которых обладают большой военизированной нагрузкой.

Выше мы уже отмечали близость некоторых элементов погребального обряда Андреевского и Староардатовского курганов, Писеральских и Климкинских курганных могильников с лесостепными племенами саргатской культуры Зауралья и Западной Сибири [52; 51; 45]. Некоторые черты погребального обряда гороховских и саргатских племен рассматривались нами в связи с определением этнокультурной компоненты Кипчаковского I курганно-грунтового могильника [21; 24]. Отмечавшийся исследователями процесс продвижения лесостепных зауральских племен на запад в раннем железном веке [37; 63; 61] позволяет рассматривать области Зауралья и Западной Сибири в качестве возможных исходных пунктов населения, оставившего памятники кипчаковского культурно-хронологического горизонта и памятники писеральско-андреевского типа. Некоторые различия между Андреевским курганом, Писеральскими и Климкинскими курганами, с одной стороны, и Кипчаковскими подкурганными захоронениями, с другой, кроются, в первую очередь, в незначительной хронологической дистанции.

По-видимому, ведущим субстратным компонентом саргатской культуры был иранский с участием южноугорского и самодийского

компонентов. Этническая принадлежность саргатской культуры определяется Н.П. Матвеевой как ирано-угорская, «со значительным преобладанием иранских компонентов различного возраста, как древних, субстратных, так и новых, за счет включений сакских и южноуральских мигрантов» [45, с. 144]. Вероятно, именно по этой причине (присутствие иранских элементов в этнокультурной составляющей саргатской общности) многими исследователями усматривается «сарматский компонент» в памятниках писеральско-андреевского типа.

Установлено, что в отношении связей населения саргатской культуры с соседними племенами больший вес имеют западные и юго-западные направления [52, с. 118; 49, с. 83-85].

В ряде работ отмечается некоторая подвижка саргатского населения к западу в первые века нашей эры и отток его из Барабы [59, с. 96; 38, с. 127]. В Барабе нет памятников позже I в. н.э., – констатирует Н.В. Полосьмак, а Л.Н. Корякова отмечает в это время их малое количество и в Прииртышье [58, с. 13; 37, с. 169]. Впрочем, открытие памятников IV-V вв. н.э. по всему ареалу саргатской культуры (Ипкульский, Абатский-3, Исаковский могильники) и стабильность южной границы, маркированной поздними сарматскими памятниками Казахстана [45, с. 128], не дает оснований предполагать массовую миграцию саргатских племен. Хотя сохранившееся население, потеряв значительную часть специфики своей культуры, все больше попадало под влияние лесного населения.

На основании вышеизложенного представляется возможным говорить не о тотальной миграции какой-то определенной части народа, а рассматривать памятники писеральско-андреевского типа как военный «выплеск» зауральского населения, когда, к примеру, родоплеменная верхушка не дает возможности молодым честолюбивым воинам занять подобающее, по их мнению, место в обществе. Объединившись вокруг удачливого предводителя в военный

отряд, такая группа воинов отправлялась на завоевание своей территории. По наблюдениям Тацита, подобным образом формировались дружины древних германцев, которые состояли, как правило, из молодежи, не связанной родством, часто знатного происхождения, или вольных или невольных изгоев, порвавших с родней, посвятивших себя войне и примыкавшей ради этого к бывалому, удачливому, известному своей отвагой воину [74, с.359]. Нередко они нанимались в солдаты к римлянам.

При удачном стечении обстоятельств такая дружина занимала главенствующее положение на завоеванной территории. С собой они приносили оружие и традиции погребальной обрядности, все остальное получая от завоеванного населения, в том числе жен и наложниц. В.Г. Богораз-Тан приводит яркий пример, когда «караибы в эпоху открытия Америки Колумбом быстро и энергично завоевывали Антильские острова, продвигаясь из Южной Америки и истребляя Антильских ароваков. ... Заняв аровакское селение, они убивали мужчин, а молодых женщин делали своими наложницами, т.е. в сущности женами» [9, с. 11]. В данном контексте вполне объяснимы городецкие элементы в керамическом комплексе Андреевского кургана. Единственный довод сторонников автохтонного (городецкого) компонента – наличие керамики местного производства в погребальных комплексах Андреевского кургана – можно рассматривать как продукт завоевания и использования керамической посуды местного изготовления для своих нужд.

Погребения, фиксирующие начало проникновения такой воензированной ватаги в местную среду, единичны – это захоронение Староардатовского кургана и центральная могила 25 Андреевки, в которых, в отличие от грунтовых захоронений второй группы, представлены еще не обедненные местными традициями «чистые» и яркие комплексы пришельцев.

Проходя по территории, занятой пьяноборскими племенами, пришельцы могли заимствовать путем обмена или изъятия силой оружия

определенные элементы материальной культуры пьяноборья (рис. 27). Процесс заимствования вполне мог быть двусторонним.

Интересен отмеченный еще В.Ф. Генингом факт перемещения позднепьяноборских племен из районов нижнего течения реки Белой на правый берег реки Камы. Не являлось ли это перемещение следствием усилившейся военно-политической напряженности в регионе?

По другому варианту возможного развития событий движение зауральского населения в западные области Приуралья может быть объяснено экспансией хуннов на земли саргатских племен. После распада хуннской державы ... на северную и южную части (47-48 гг.) южные хунны признают себя вассалами империи Хань, а северные продолжают сопротивление [18, с. 165-179] и частично уходят на север за «господство над народами» [18, с. 178]. В последние два десятилетия I века они терпят сокрушительные поражения от динлинов, сяньби, южных хунну (85, 86, 87, 89, 90 гг.). В 93-94 гг. северные хунну полностью разбиты и их земли занимают сяньби [55, с.150-151]. Часть племен не могла подчиниться новому военно-политическому объединению и с арьбергاردными боями, теряя в первую очередь женщин и детей, ушла далеко на северо-запад (рис. 26).

В данном контексте интересен уже отмеченный выше факт отсутствия саргатских памятников в Барабинской лесостепи позже I века [58, с. 13] и незначительное их количество в Прииртышье [37, с. 169]. Мы не исключаем возможность, казалось бы, столь далекого перемещения части саргатского населения из Зауралья в лесостепную зону Заволжья (рис. 27), тем более, что подобные миграции на далекие расстояния в разные эпохи были нередки.

Следует отметить, что зачастую о причинах миграций населения мы можем только догадываться или предполагать наличие одной или синтеза причин по косвенным признакам, поскольку археологическими методами причины переселений практически не

фиксируются. При этом следует учитывать закономерную фрагментарность археологических данных даже для хорошо изученных памятников, которые лишь отчасти и всегда неполно отражают культуру этноса-носителя в целом.

Будучи же в меньшинстве по отношению к коренному населению, завоеватели достаточно быстро растворялись в местной среде. Именно поэтому единичны подобные археологические памятники, отражающие процесс первоначального завоевания и захоронения по традициям своей этнической группы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории того или иного региона бывали такие факты, явления и события, без анализа сущности которых просто невозможно понимание дальнейшего событийного ряда.

Для районов Средней Волги таким событием стало появление памятников писеральско-андреевского типа на заключительном этапе раннего железного века. Это время характеризуется значительными этнокультурными подвижками и, как следствие, формированием новой исторической картины Восточной Европы, становлением современных исторических народностей Поволжья.

То, что для региона Среднего Поволжья население, оставившее памятники писеральско-андреевского типа, было пришлым – факт общепризнанный и не требующий специальных доказательств. Но существуют другие, обсуждаемые и донныне проблемы: откуда (из какого района) они мигрировали, в каком регионе происходило сложение их культурной основы, какие элементы культуры других этносов они в себя впитали?

Следует отметить, что, как правило, мигранты предпочитали переселяться в схожие ландшафтные и природно-климатические зоны, более привычные и приспособленные для ведения хозяйства.

Географически вся территория Среднего Поволжья является составной частью огромной Русской равнины. Интересующий нас регион Волго-Окско-Цнинского междуречья расположен в провинции Приволжской возвышенности (рис. 1; 2). На севере этого края стоит тайга с темными ельниками, густыми пихтарниками и светлыми сосновыми борами. На юге господствует живописная лесостепь с островами дубрав, иногда сосновых боров, приуроченных, в большей части, к северо-западной части ареала по реке Мокше. Лесами заняты значительные площади провинции. Вся лесостепная провинция Приволжской возвышенности, за исключением крайнего юго-запада Пензенской области, выделена в Приволжский

округ европейской широколиственно-лесной области. При этом в указанной лесостепной провинции намечаются массивы луговых степей (Арзамасский, Сергачский, Ульяновский, Саранско-Пензенский и Сызранский).

Особенно примечателен в этом отношении Сергачский степной остров, занимающий Межпьянье на юго-востоке Нижегородской области и северо-востоке Мордовии. Располагаясь на севере Приволжской возвышенности, Сергачский остров тем не менее очень сильно насыщен степными видами [47, с. 217-218]. О ковыльных степных участках Межпьянья в свое время писал В.В. Алехин [5, с. 194], а П.А. Смирнов приходит в отношении их к такому заключению: «Вообще тип южных ковыльных степей... здесь, в этом далеко заброшенном к северу клочке, выражен в своих основных чертах достаточно хорошо» [66, с. 20]. Именно здесь, в восточной части территории Межпьянья остепненной лесостепи, расположены Андреевский и Староардатовский курганы.

Остепнение склонов по высоким правобережьям рек наблюдается и к северу от Сергачского степного острова, в непосредственной близости от Волги [47, с. 218], где, кстати, расположены Писеральский и Климкинский курганные могильники.

Исследователи отмечают, что «лесостепь можно рассматривать как своеобразный природный накопитель необходимых условий жизнеобеспечения, куда время от времени были направлены миграционные процессы» [64, с. 35].

Именно здесь выявлены и исследованы уникальные археологические памятники Восточной Европы заключительного этапа эпохи раннего железного века, отражающие сложные этнокультурные процессы, связанные с нестабильной ситуацией на евразийском пространстве на рубеже эр и в первых веках нашей эры.

Это время характеризуется значительными этнокультурными подвижками и, как следствие, формированием новой исторической

картины Восточной Европы, становлением современных исторических народностей Поволжья.

Интересный и неоднозначный материал, полученный в ходе раскопок Андреевского, Староардатовского, а также Писеральских и Климкинских курганов, грунтовых Пильнинских могильников привлек к себе большое внимание со стороны многих исследователей, поднимающих вопросы этнической истории Поволжья и близлежащих регионов в раннем железном веке и раннем средневековье.

Памятники этого типа в течение длительного времени используются в различных этнокультурных построениях и хронологических схемах многими археологами нашей страны. Однако и по сей день материалы этих могильников не получили однозначную исследовательскую оценку.

То, что для региона Среднего Поволжья население, оставившее захоронения писеральско-андреевского типа памятников было пришлым – факт общепризнанный и не требующий специальных доказательств. Но существуют другие, обсуждаемые и донныне проблемы, – откуда (из какого района) они мигрировали, в каком регионе происходило сложение их культурной основы, какие элементы культуры других этносов они в себя впитали?

Следует отметить, что, как правило, мигранты предпочитали переселяться в схожие ландшафтные и природно-климатические зоны, более привычные и приспособленные для ведения хозяйства. Появление в лесостепной провинции Приволжской возвышенности указанных памятников может свидетельствовать о миграции населения из близкой природной среды. Исследователи отмечают, что «лесостепь можно рассматривать как своеобразный природный накопитель необходимых условий жизнеобеспечения, куда время от времени были направлены миграционные процессы» [64, с. 35].

Анализ элементов материальной культуры позволяет отнести к наиболее ранним из захоронений памятников писеральско-андреевского типа сооружение центральной могилы 25 Андреевского

кургана к середине I в. н.э. Накопление остальных грунтовых погребений происходило, по нашему мнению, в течение третьей четверти этого столетия, а впускные погребения были датированы нами соответственно последней четвертью I – началом (может быть, первой четвертью) II вв. н.э. Сопоставление погребального обряда и инвентаря Староардатовского погребения с материалами ранних андреевских могил позволяет высказать мнение о совершении захоронения в кургане в середине I в. н.э. К этому же времени тяготеют погребения Пильнинского I могильника.

Хронологическая близость и близость погребального обряда с инвентарем позволяют выделить эти археологические объекты в единый культурно-хронологический горизонт Андреевка-Староардатово.

Пришлый характер населения, оставивших памятники типа Андреевка-Староардатово, как уже отмечалось, не вызывает сомнений. Авторы этой работы неоднократно указывали на двухкомпонентность материалов Андреевского кургана, при которой ведущим, определяющим компонентом был пришлый зауральский, привнесенный мигрантами-завоевателями, и вторичный, местный компонент порабощенного автохтонного населения.

В этой связи особое внимание следует уделить не столько вещевому инвентарю, сколько элементам погребальной обрядности, аналогии которым авторам видятся в памятниках зауральских культур (саргатская, гороховская) раннего железного века.

Таким образом, на наш взгляд особенности погребальной обрядности ранних погребений Андреевского и Староардатовского курганов, социальная стратификация и половозрастные характеристики захоронений позволяют предполагать миграцию-инвазию в регион военизированной группы зауральского населения. И судя по всему таких миграционных «военных выплесков» незначительных в количественном отношении групп чужеродного населения на территорию Западного Поволжья было несколько. Свидетельством

тому является более поздний культурно-хронологический горизонт типа Писералы-Климкино, могильники которого расположены к северо-востоку от северного ареала горизонта Андреевка-Староардатово.

Известным российским исследователем М.Б. Щукиным было введено понятие горизонта как особого историко-археологического явления, памятники которого являются «неустоявшимися или несостоявшимися археологическими культурами» [83, с. 26]. Исследователь отмечал, что «памятники горизонтов рассыпаны на большой территории и располагаются не столь компактно, как в археологических культурах, иногда вклиниваются в инокультурную среду, число интегрирующих типов не столь велико и охватывают они сравнительно узкие хронологические интервалы» [83, с. 26].

Именно эти характеристики присущи памятникам типа Андреевка-Староардатово и Писералы-Климкино. Погребения Пильнинского могильника, Андреевского и Староардатовского курганов имеют ярко выраженный воинский характер. Более 60% захороненных мужчин в Андреевском кургане сопровождались оружием и предметами конского снаряжения. В Староардатовском кургане основное (и единственное) захоронение было воинским, Подкурганый погребальный обряд захоронения является абсолютно чуждым не только автохтонному населению городецкой культуры, но и ближайшим культурам – дьяковской – на севере, зарубинецкой – на западе и пьяноборской – на востоке. На юге, в степной зоне курганный обряд был широко распространен у кочевников-сармат. Но анализ всех возможных источников не позволяет соотносить памятники типа Андреевка-Староардатово и уж тем более Писералы-Климкино с сарматским миром. Наличие же предметов римского импорта свидетельствует лишь о торговых или военных контактах.

До недавнего времени единственные и уникальные находки вырубленных из человеческих черепов верхних челюстей с систе-

мой отверстий для подвешивания в погребальных комплексах Андреевского кургана (погр. 25, 37) определили четкую связь с Кипчаковским могильником из Западного Приуралья, где были найдены аналогичные находки. Пришлый характер кипчаковского населения, оставившего подкурганные захоронения в нижнем течении реки Белой не вызывает особых возражений. Аналогии погребального обряда и общеисторические тенденции предполагают рассматривать территорию зауральского лесостепного региона исходным районом миграции.

Еще одна находка вырубленной верхней челюсти человека была сделана в Игнатьевской пещере на Южном Урале и связана с «ритуалом, видимо относящимся ко времени раннего железного века» [57, с. 157].

Пильнинские памятники предполагают выделение еще одного горизонта, мощного в плане вооружения и достаточно богатого. В хронологическом плане Пильнинские находки больше тяготеют к Андреевским комплексам, но складывается такое впечатление, что они находятся где-то посередине между Андреевкой-Староардатово и Писералами-Климкино. Это более интересно потому, что Пильнинские захоронения безкурганные, грунтовые. При этом степень находок предметов вооружения, особенно клинкового и защитного, чрезвычайно высока. В четырех основных могилах Пильнинского могильника все захороненные мужчины были с предметами вооружения (наконечники стрел, копья и клинковое оружие).

На рубеже эр районы Западного Поволжья были своеобразной пограничной территорией, в какой-то степени предопределившей ее слабую заселенность. И возможно именно вследствие этого сюда продвинулись вышедшие из лесостепных районов Зауралья военные отряды угуров. Произошло это, по всей видимости, в середине I века. Характер захоронений Андреевского кургана позволяет с до-

статочной долей уверенности говорить о трех поколениях погребенных здесь людей. Причем, если погребальный обряд первого поколения достаточно определенно сопоставляется с древностями лесостепного Зауралья (памятники саргатской культуры), то погребения следующих хронологических пластов по своей обрядности и погребальному инвентарю носят упрощенный «размытый» характер. То есть процесс метисации пришлого и местного населения в данном случае фиксируется достаточно определенно.

Окруженные инородным населением с совершенно другими этнокультурными традициями пришельцы растворились, не сумев сохранить свою погребальную обрядность. Но при этом именно они дали толчок формированию новых традиций, основа которых прослеживается в материальной культуре памятников последующего времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. – Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. – 140 с.
2. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. – 1975. – Вып. Г1–12. – 122 с.
3. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. – 1978. – Вып. Г1–12. – 120 с.
4. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. – 1982. – Вып. Г1–12. – 105 с.
5. Алёхин В.В. Главнейшие результаты геоботанических исследований юго-востока Нижегородской губернии в 1925 году // Производительные силы в Нижегородской губернии. Вып. 3. – Нижний Новгород, 1926.
6. Арешян Г.Е. К обоснованию методов исследования культурных и этнических контактов в древности (этнокультурные связи Юго-Восточной и Центральной Европы с Армянским нагорьем и Южным Кавказов) // Советская этнография. – 1989. – №2. – С. 45-55.
7. Архипов Г.А. Марийский край в памятниках археологии. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1976. – 167 с.
8. Архипов Г.А., Шадрин А.И. Исследование раннесредневековых курганов у с. Климкино // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья / АЭМК. – Йошкар-Ола, 1995. – Вып. 24. – С. 110-129.
9. Богораз-Тан В.Г. Переселение народов в социологической перспективе // А. Геддон. Переселение народов. – Петроград-М., 1923.
10. Вихляев В.И. Андреевская культура и ее роль в этнической истории Западного Поволжья // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности: материалы

- междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию П.Д. Степанова. – Саранск: Ист.-социол. ин-т МГУ им. Н.П. Огарева, 1999. – С. 17-30.
11. Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры. – Саранск: Ист.-социол. ин-т МГУ им. Н.П. Огарева, 2000. – 132 с.
  12. Гришаков В.В. Конские погребения VIII – первой половины X вв. Чулковского могильника // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – Йошкар-Ола: МарГУ, 1990. – С. 127-146.
  13. Гришаков В.В. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. – Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. – 196 с.
  14. Гришаков В.В. Староардатовский I курган и его место в системе памятников андреевско-писеральского горизонта // Древности Окско-Сурского междуречья. – Саранск, 2000. – Вып. 2. – С. 44-54.
  15. Гришаков В.В. Наконечники стрел Андреевского кургана в контексте проблемы формирования памятника // Поволжье и сопредельные территории в средние века: сб. научных трудов. Труды ГИМ. – М., 2002. – Вып. 135. – С. 63-71.
  16. Гришаков В.В. Сергачский могильник «Кожина слобода» в системе памятников андреевско-писеральского типа // Пензенский археологический сборник. – Пенза: ПИРО, 2010. – Вып. 3. – С. 103-115.
  17. Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – 173 с.
  18. Гумилев Л.Н. Хунну. – СПб.: «Тайм-аут» – «Компасс», 1993. – 224 с.
  19. Зеленева Ю.А. Грунтовые могильники волжских финнов и некоторые проблемы этнической истории // Этногенез и этническая

- история марийцев. АЭМК. – Йошкар-Ола, 1988. – Вып.14. – С.79-86.
- 20.Зубов С.Э. К проблеме этнокультурной интерпретации памятников андреевско-писеральского типа // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию П.Д. Степанова. – Саранск: Ист.-социол. ин-т МГУ им. Н.П. Огарева, 1999. – С. 44-51.
- 21.Зубов С.Э. Проблемы этнической дивергенции пьяноборского этноса // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. – Самара: «Самарский университет», 2004. – С. 267-279.
- 22.Зубов С.Э. Проблема малых миграций в раннем железном веке и раннем средневековье Волго-Камья и Западного Поволжья // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы третьих Халиковских чтений (27–30 мая 2004 г.): Тезисы докладов. – Казань–Болгар, 2004. – С. 78-82.
- 23.Зубов С.Э. О пьяноборском компоненте в памятниках писеральско-андреевского типа Западного Поволжья // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Р.Г. Кузеева / Под редакцией А.Б. Юнусовой. – Уфа: Уфимский полиграфкомбинат. – 2009. – С. 100-104.
- 24.Зубов С.Э. Новые элементы погребальной обрядности раннепьяноборского населения в низовьях р. Белой (по материалам раскопок Кипчаковского курганно-грунтового могильника в 2006 году) // Уфимский археологический вестник. – Уфа: Изд-во «Гилем». – 2010 – Вып. 10. – С. 64-84.
- 25.Зубов С.Э. Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв. н.э.) – Saarbrücken, Germany, LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG. – 2011. – 208 с.

- 26.Зубов С.Э. История изучения памятников писеральско-андреевского типа // Археология евразийских степей. Эпоха Великого переселения народов: материалы Всероссийской научной конференции «I Старостинские чтения: Опорные памятники Среднего Поволжья и Прикамья первой половины – середины I тыс. н. э. № 1. Казань. – 2018. – С. 9-16.
- 27.Зубов С.Э. Казуальная атрибуция новых воинских захоронений из Пильнинского грунтового могильника I-II вв. н.э. (заметки о типологических особенностях погребальных объектов писеральско-андреевского типа памятников) // XXIII Уральское археологическое совещание: материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Оренбург, 14-18 апреля 2025 г.: в 2 т. /Министерство просвещения Российской Федерации, ФГБОУ «Оренбургский государственный педагогический университет»; отв. ред. А.А. Евгеньев. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2025. – Т. II. – С. 23-27.
- 28.Зубов С.Э., Михеев А.В. Этнокультурные процессы в Западном Поволжье на рубеже раннего железного века и раннего средневековья (проблемы хронологии и этнической атрибуции памятников писеральско-андреевского типа) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: сборник статей к 70-летию А.Х. Пшеничнюка. – Уфа: «Гилем», 2006. – С. 204-225.
- 29.Зубов С.Э., Лифанов Н.А., Радюш О.А. Новые памятники писеральско-андреевского типа I-III вв. н.э. на территории Нижегородской области (предварительное сообщение) // Вояджер: мир и человек (теоретический и научно-методический журнал). № 1. – Самара: Изд-во «Самарский муниципальный институт управления». – 2011. – С. 13-30.
- 30.Зубов С.Э., Гришаков В.В., Мясников Н.С. Памятники писеральско-андреевского типа // Ранний железный век / Археология

- Волго-Уралья. Т. 3 / Институт археологии АН НМ (отв. ред. А.А. Чижевский). – Казань: ИА АН РТ, 2021. – Гл. 2. – С. 392-409.
- 31.Зубов С.Э., Ермаков С.Ф., Федорова Е.Ю. Разведочные работы 2024 года в Пильнинском районе Нижегородской области // Археологические открытия в Самарской области 2024 года. – Самара, 2025. – С. 31-32.
- 32.Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. – М.: Диалог-МГУ, 1999.
- 33.Клейн Л.С. Краткое обоснование миграционной гипотезы о происхождении катакомбной культуры; Вестник ЛГУ, Вып. 2. – Л., 1962. – С. 74-87.
- 34.Клейн Л.С. Археологические признаки миграций (IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Чикаго, 1973. Доклады советской делегации). – Москва, 1973. – 17 с.
- 35.Клейн Л.С. Миграция: археологические признаки // Stratum plus. – 1999. – № 1. – С. 52-71.
- 36.Корепина Т.А. Сравнительный анализ подходов к моделированию миграций // Вопросы территориального развития. Вып. 1 (36). – 2017. – С. 1-12. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-podhodov-k-modelirovaniyu-migratsii/viewer>
- 37.Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. – 241 с.
- 38.Корякова Л.Н., Морозов В.М., Суханова Т.Ю. Поселение Ипкуль XV – памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Среднем Притоболье // ВАУ. – Екатеринбург, 1987. – № 19.

39. Котов В.Г. Проблема этнокультурной преемственности населения Южного Урала от верхнего палеолита до современности // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы III научно-практической конференции. – Челябинск, 2006.
40. Кропоткин В.В. Римские импорты из Андреевского кургана в Мордовской АССР // КСИА. – 1969. – № 119. – С. 32-36.
41. Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.) // САИ. – 1970. – Вып. Д1–27. – 280 с.
42. Курман М.В. Актуальные вопросы демографии: демографические процессы в СССР в послевоенный период. – М.: Статистика, 1976. – 220 с.
43. Матвеева Г.И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев: КГУ, 1986. – С. 158-171.
44. Матвеева Г.И. К вопросу об основных компонентах формирования культуры Андреевского кургана // Археология восточноевропейской лесостепи: сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию А.Е. Алиховой. – Пенза: Пензенский ГПУ, 2003. – С. 286-293.
45. Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. – 152 с.
46. Мерперт Н.Я. Миграции в эпоху неолита и энеолита // СА. – М., 1978. – С. 9-28.
47. Милюков Ф.Н. Среднее Поволжье (Физико-географическое описание). – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 262 с.
48. Михеев А.В. Клишкинский могильник (по материалам исследований 2003–2004 гг.) // Древняя и средневековая археология Волго-Камья: сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина; Археология Евразийских степей. Вып. 10. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – С. 81-91.

49. Могильников В.А. Проблемы археологии и древней истории угров // К вопросу о саргатской культуре. – М.: Наука, 1972.
50. Могильников В.А. Степи Евразии в эпоху средневековья. Серия «Археология СССР». Том 1(20). – М., 1981. – 302 с.
51. Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР с древнейших времен до средневековья. В 20 т. – М.: Наука, 1992. – С. 292-311.
52. Мошкова М.Г., Генинг В.Ф. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. – М.: Наука, 1972. – С. 87-118.
53. Мясников Н.С. Археологические памятники первой половины I тысячелетия н.э. Сурско-Свияжского междуречья: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 – Археология. Т.1. – Казань, 2016. – 264 с.
54. Мясников Н.С., Бугров Д.Г. Некоторые проблемы выделения «этнокультурных компонентов» памятников андреевско-писеральского типа: погребальный обряд // ПА, №3(25). Казань. – 2018. – С. 314-335.
55. Никаноров В.П., Худяков Ю.С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы: Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов (Серия «Militaria Antiqua», VI). – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004; М.: Филоматис, 2004. – 320 с.
56. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. – М.: Наука, 1975. – 232 с.
57. Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале. – Новосибирск: ВО «Наука», 1992.
58. Полосьмак Н.В. Культура населения Западной Барабы в скифо-сарматское время: автореф. дис. канд. ист. наук. – Л., 1985.

59. Полосьмак Н.В. Бараба в раннем железном веке. – М.: Наука, 1987. – 144 с.
60. Похлебаева А.В. Понятие миграции и ее классификация // Журнал международного права и международных отношений. – 2005. – № 3.
61. Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала. – Уфа, 1976. – С. 35-131.
62. Рыбаковский Л.Л. Демографический понятийный словарь. – М.: Центр социального прогнозирования, 2003. – 352 с. – Режим доступа: <http://rybakovsky.ru/uchebnik1a12.html>
63. Савельев Н.С. Население Месягутовской лесостепи в V-III вв. до н.э. (культурно-хронологическая принадлежность памятников айского типа). – Уфа, 1998. – 123 с.
64. Синюк А.Т. Природно-географическая среда, этногенетические процессы и основы экономики в бронзовом веке Донской лесостепи // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии. – Самара, 1996.
65. Смирнов К.А. О времени Андреевского кургана // Вопросы этнической истории Волго-Донья: материалы научной конференции. – Пенза: ПГОКМ, 1992. – С. 3-6.
66. Смирнов П.А. Флора и растительность Центрально-промышленного района // Материалы к познанию фауны и флоры СССР, изд. Моск. об-вом испыт. природы, новая серия, отд. ботанич. Вып. 1 (9). – М., 1940.
67. Ставицкий В.В. Роль камского населения в формировании древней мордвы // Электронный научно-практический журнал «Гуманитарные научные исследования». – Режим доступа: <https://human.snauka.ru/2014/12/8337>
68. Степанов П.Д. Андреевский курган (предварительное сообщение) // Труды МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1964. – Вып. XXVII. – С. 206-267.

69. Степанов П.Д. Андреевский курган // Этногенез мордовского народа (Материалы научной сессии. 8–10 декабря 1964 года). – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1965. – С. 47-52.
70. Степанов П.Д. Южные связи Среднего Поволжья в I тыс. н.э. // Древности Восточной Европы. – М.: Наука, 1969. – С. 221-227.
71. Степанов П.Д. Воинские трофеи в погребениях Андреевского кургана Мордовской АССР // КСИА. – 1973. – № 136. – С. 86-91.
72. Степанов П.Д. Археологическая работа в восточной части Мордовской АССР в 1967–1968 гг. // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Труды МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1974. – Вып. 45. – С. 76, 78-81.
73. Степанов П.Д. Андреевский курган (к истории мордовских племен на рубеже нашей эры). – Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1980. – 108 с.
74. Тацит Корнелий. О происхождении германцев и местоположении Германии (перевод А.С. Бобовича, ред. М.Е. Сергеевко) // Анналы. Малые произведения. Т. 1. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1993. – 444 с.
75. Титов В.С. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света. – М.: «Наука», 1982. – С. 89-145.
76. Троянская М.А. Миграция населения: понятие, виды и значение для территорий // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2021. – Т. 10. № 2(35). – p-ISSN: 2309-1762; e-ISSN: 2712-8482.
77. Халиков А.Х. Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1958 год / НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 84. – Казань; Йошкар-Ола, 1958.
78. Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края. ТМАЭ. – Йошкар-Ола, 1962. – Т. II. – С. 7-187.
79. Халиков А.Х. Памятники писеральско-андреевского типа в Волжском правобережье и их этнокультурная интерпретация //

- Древности Волго-Вятского междуречья. АЭМК. – Йошкар-Ола, 1987. – Вып. 12. – С. 8-24.
- 80.Шилов В.П. Бронзовая чаша Андреевского кургана // СА. – 1972. – № 2. – С. 192-194.
- 81.Шилов В.П. Бронзовая патера из Астраханской области // СА. – 1974. – № 1. – С. 226-230.
- 82.Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. – М.: Прогресс, 1969. – 230 с.
- 83.Щукин М.Б. Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев, 1986. – С. 26-38.
- 84.Яковлева Е.Б. История и теории миграционных процессов. – Режим доступа: <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.3.2>
- 85.Яблонский Л.Т. Культурно-хронологические горизонты и проблема формирования раннесарматской культуры // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, Ист. 2015, № 5 (35). – Волгоград, 2015. – С. 17-24.
- 86.Johnson J.H., Salt J. Labour migration within organizations: an introductory study // Tijdschr Econ Soc Geogr. – 1995. – № 71. – P. 84-92. – Режим доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/12338538>
- 87.Ravenstein E.G. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London. 1885. № 2. – Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/2979181>

АЛЬБОМ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

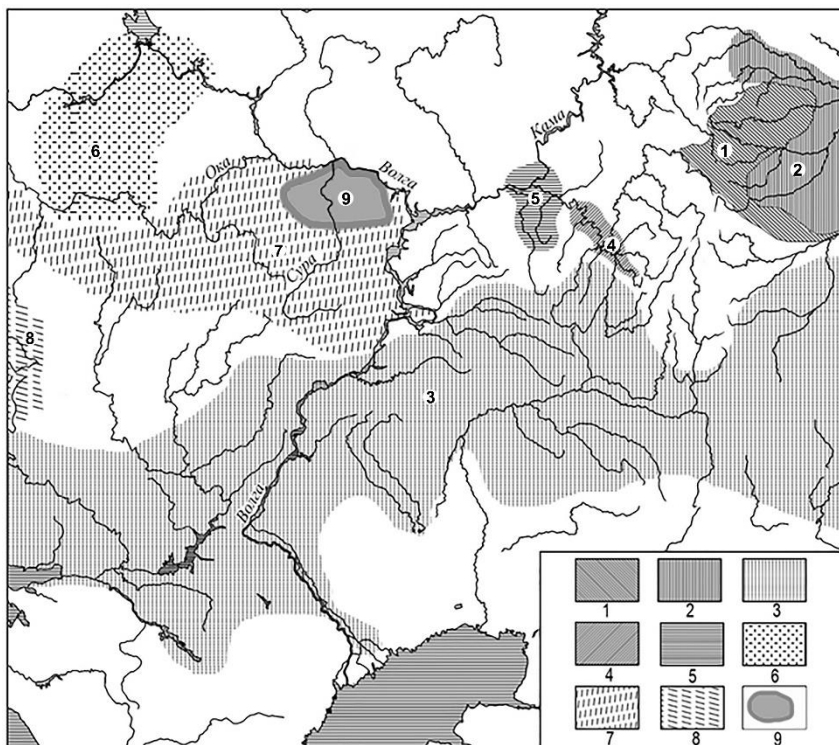

Рис. 1. Карта-схема археологической ситуации
в Восточной Европе I-II вв. н.э. и локализация памятников
писеральско-андреевского типа:

1 – зона распространения памятников гороховской культуры (по Матвеевой Н.П.); 2 – зона распространения памятников саргатской культуры Тоболо-Ишимья (по Коряковой Л.Н., Матвеевой Н.П.); 3 – зона распространения сарматских памятников (по Мошковой М.Г.); 4 – зона распространения памятников кара-абызской культуры (по Пшеничниuku А.Х.); 5 – зона распространения памятников пьяноборской культуры (по Агееву Б.Б., Генингу В.Ф.); 6 – зона распространения памятников дяковской культуры (по Смирнову К.А.); 7 – зона распространения памятников городецкой культуры; 8 – зона распространения памятников зарубинецкой культуры (по Обломскому А.М.); 9 – местоположение памятников писеральско-андреевского типа

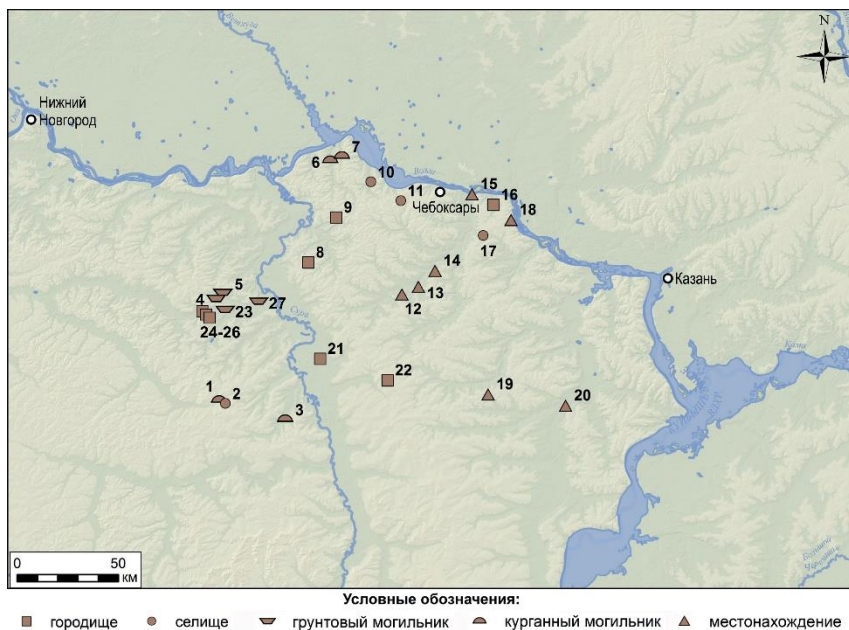

Рис. 2. Карта-схема памятников писеральско-андреевского типа в Среднем Поволжье (по Зубов С.Э., Гришаков В.В., Мясников Н.В., 2021 с добавлениями автора):

1 – Андреевский курган; 2 – Андреевское селище; 3 – Староардатовский курган; 4-5 – Пильнинские могильники I-II; 6 – Писеральские курганы; 7 – Климкинские курганы; 8 – Тиханкинское городище I; 9 – Ягаткинское городище «Пичке Сърчѣ»; 10 – Новошокинское селище; 11 – Большеянгильдинское селище; 12 – Синьял-Яушское местонахождение; 13 – Янмурзинский клад; 14 – Нижнекожарское местонахождение; 15 – Яндашевское местонахождение; 16 – Ящеринское городище; 17 – Конарское селище; 18 – Девлет-гильдинское местонахождение; 19 – Большетаябинская находка; 20 – Большефроловская находка; 21 – Большеалгашинское городище; 22 – Нижнеабакасинское городище; 23 – Юморга I, могильник; 24 – 12 вершин I, городище; 25 – 12 вершин II, городище; 26 – 12 вершин III, городище

Рис. 3. Схема расположения Писеральского и Климкинского курганных могильников (Горномарийский район, Республика Марий Эл)

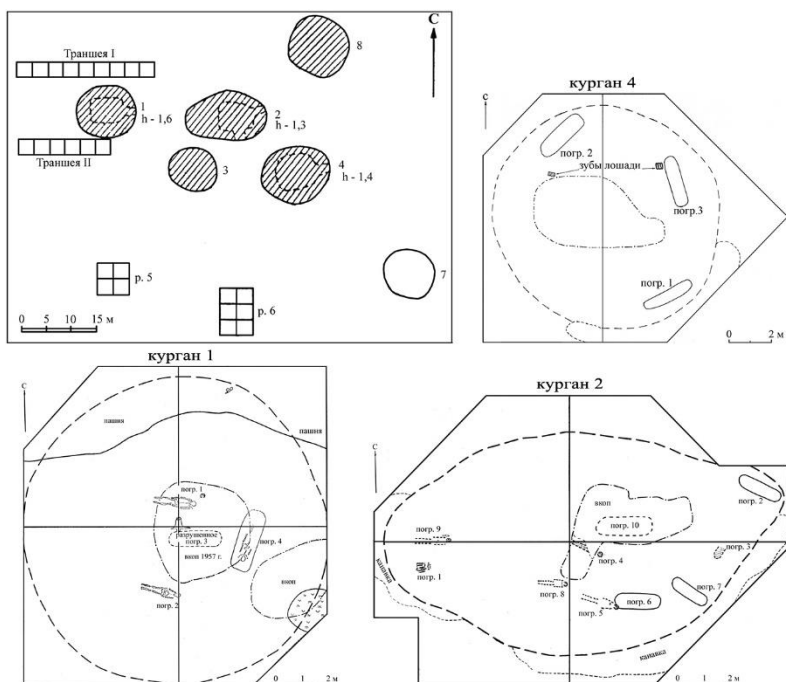

Рис. 4. План-схема расположения исследованных курганов Писеральского могильника (по Халиков, 1962)

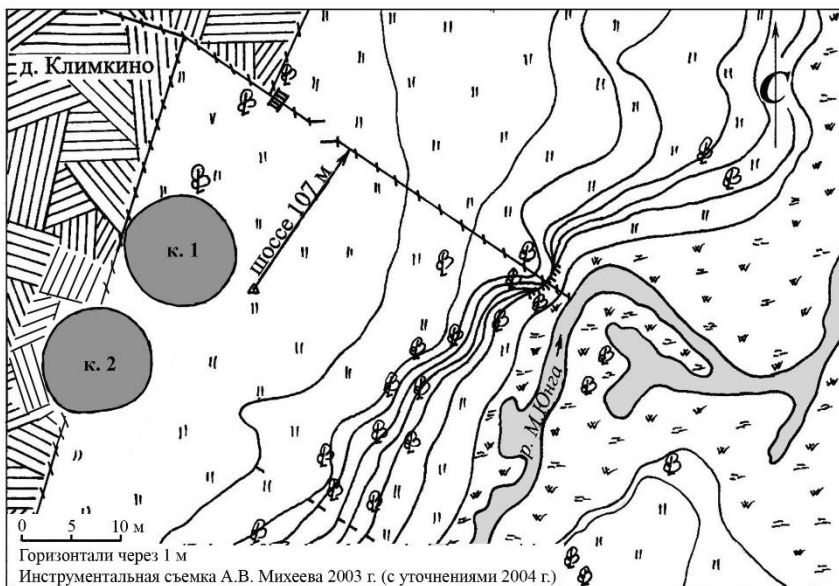

Рис. 5. План-схема расположения исследованных курганов Климкинского могильника (по Михеев, 2005, рис. 45)

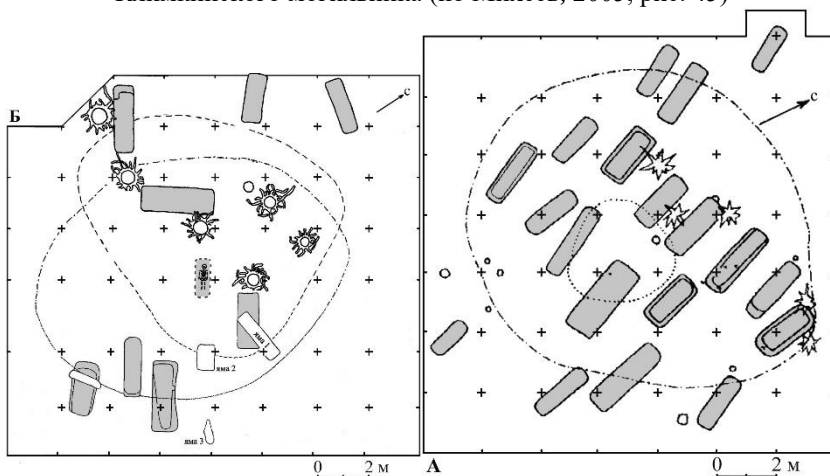

Рис. 6. Планы раскопов Климкинского курганного могильника:
 А – курган 1 (по Архипов, Шадрин, 1995);
 Б – курган 2 (по Михеев, 2005)

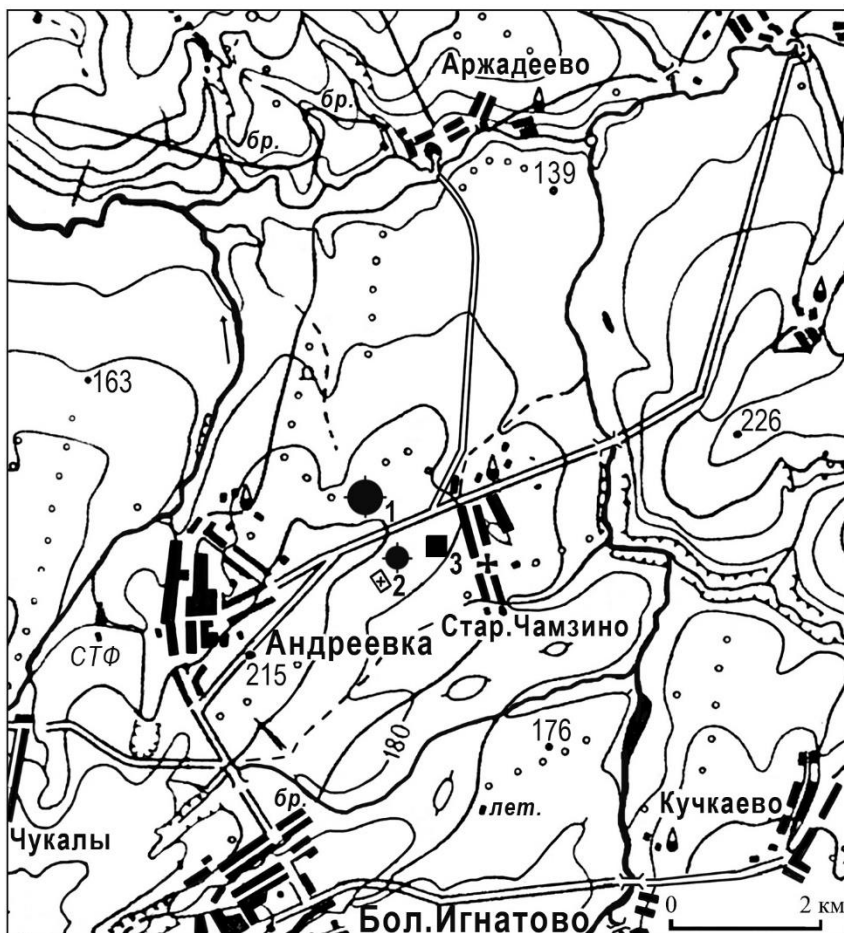

Рис. 7. План расположения курганной группы и селища
у с. Андреевка (Большеигнатовский район, Республика Мордовия):
1 – курган № 1; 2 – курган № 2; 3 – селище

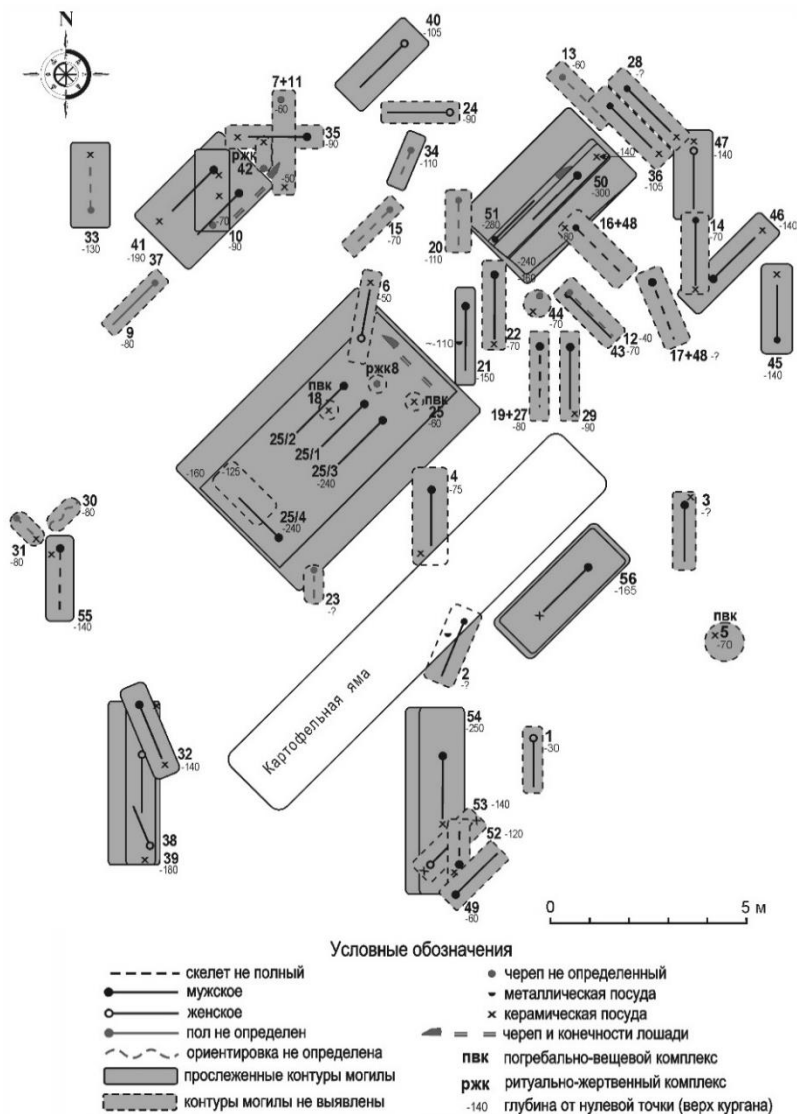

Рис. 9. Андреевский 1 курган.
План-схема погребений с ориентировками захороненных
и некоторыми элементами погребальной обрядности
(по Гришаков, Зубов, 2009)

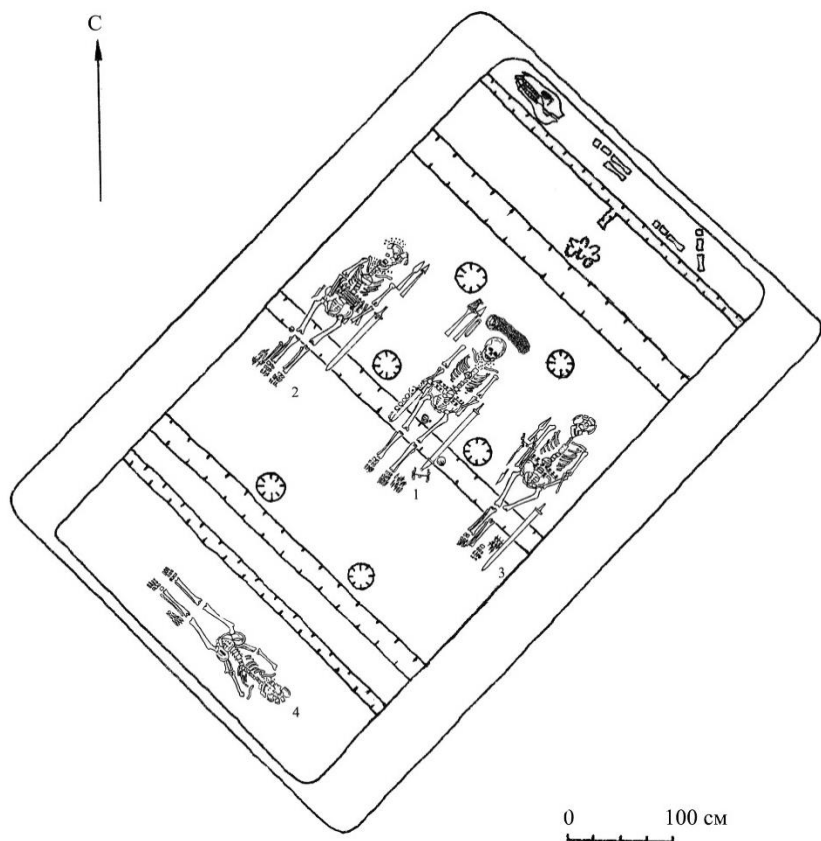

Рис. 10. Андреевский 1 курган.
План погребения 25 (костики 1-4)
(по Гришаков, Зубов, 2009)

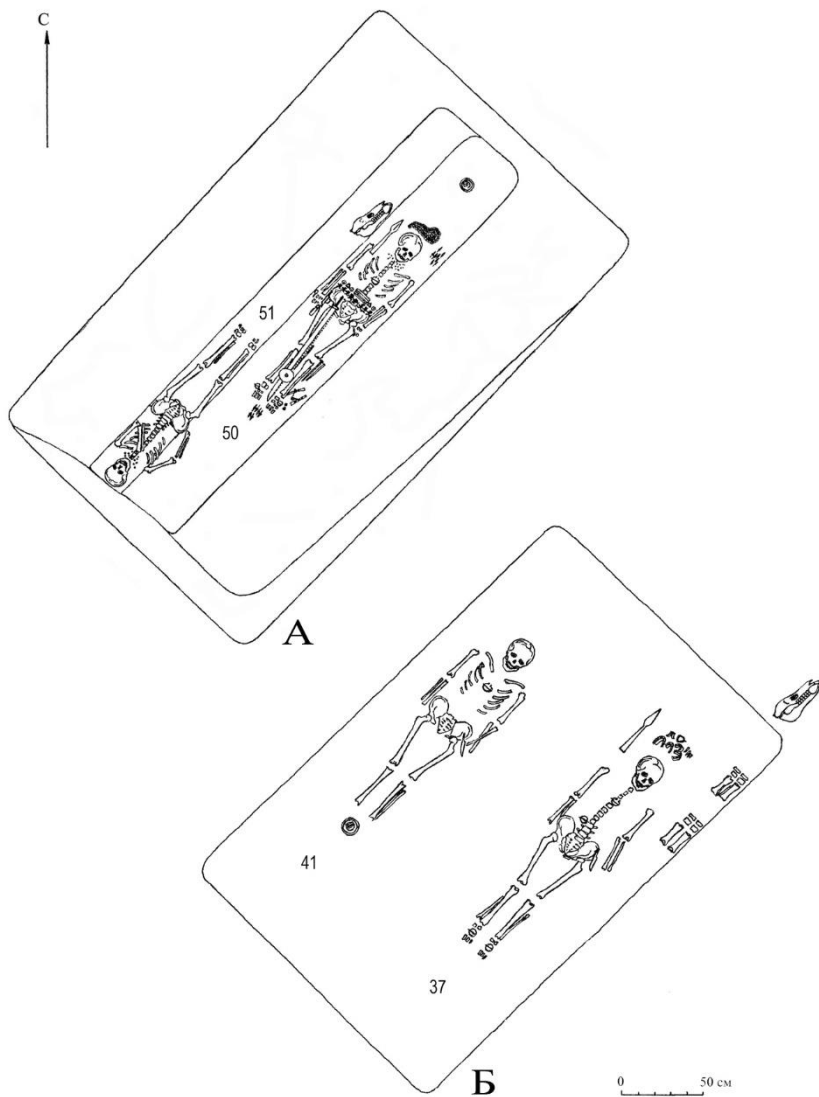

Рис. 11. Андреевский 1 курган:
 А – план погребения 50-51; Б – план погребения 37-41
 (по Гришаков, Зубов, 2009)

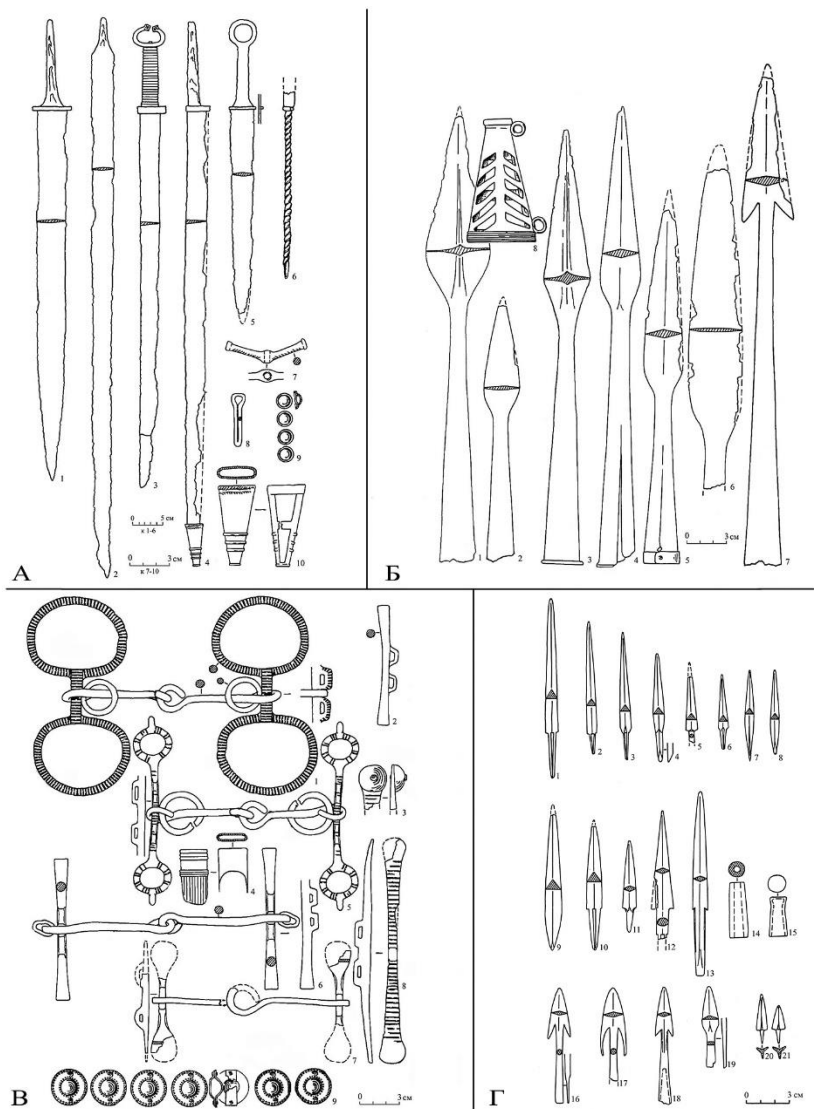

Рис. 12. Андреевский 1 курган. Погребальный инвентарь погребений:
 А – мечи, палаши, кинжалы; Б – наконечники копий; В – конская узда;
 Г – наконечники копий (по Гришаков, Зубов, 2009)

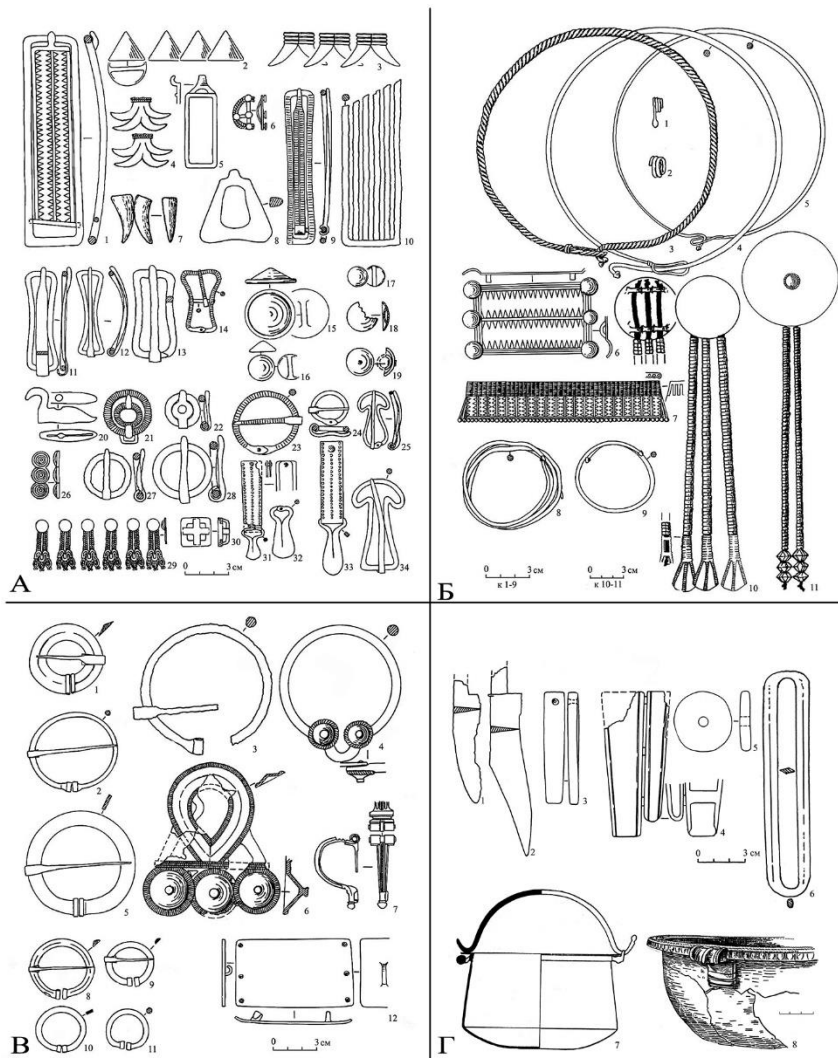

Рис. 13. Андреевский 1 курган.

Погребальный инвентарь погребений:

А – мужская поясная гарнитура (кроме 29); Б – женские украшения одежды; В – сьюлгамы, застежки, фибулы; Г – орудия труда и металлическая импортная посуда (по Гришаков, Зубов, 2009)

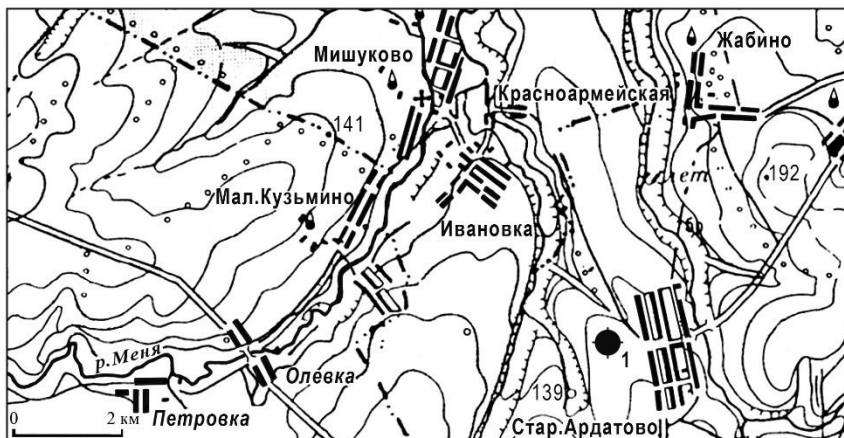

Рис. 14. План расположения Староардатовского кургана
(Ардатовский район, Республика Мордовия)

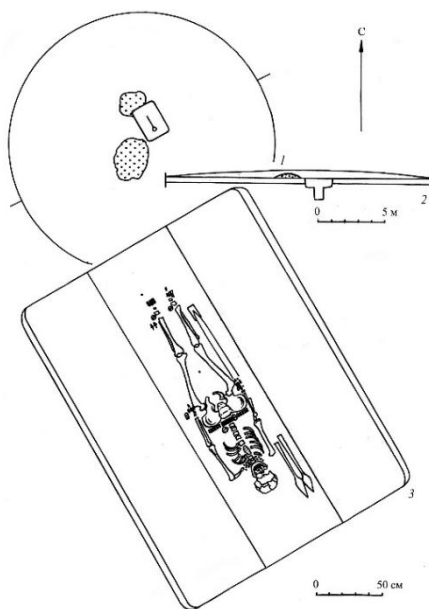

Рис. 15. Староардатовский 1 курган:
1 – план кургана; 2 – профиль бровки, 3 – план погребения
(по Гришаков, Зубов, 2009)

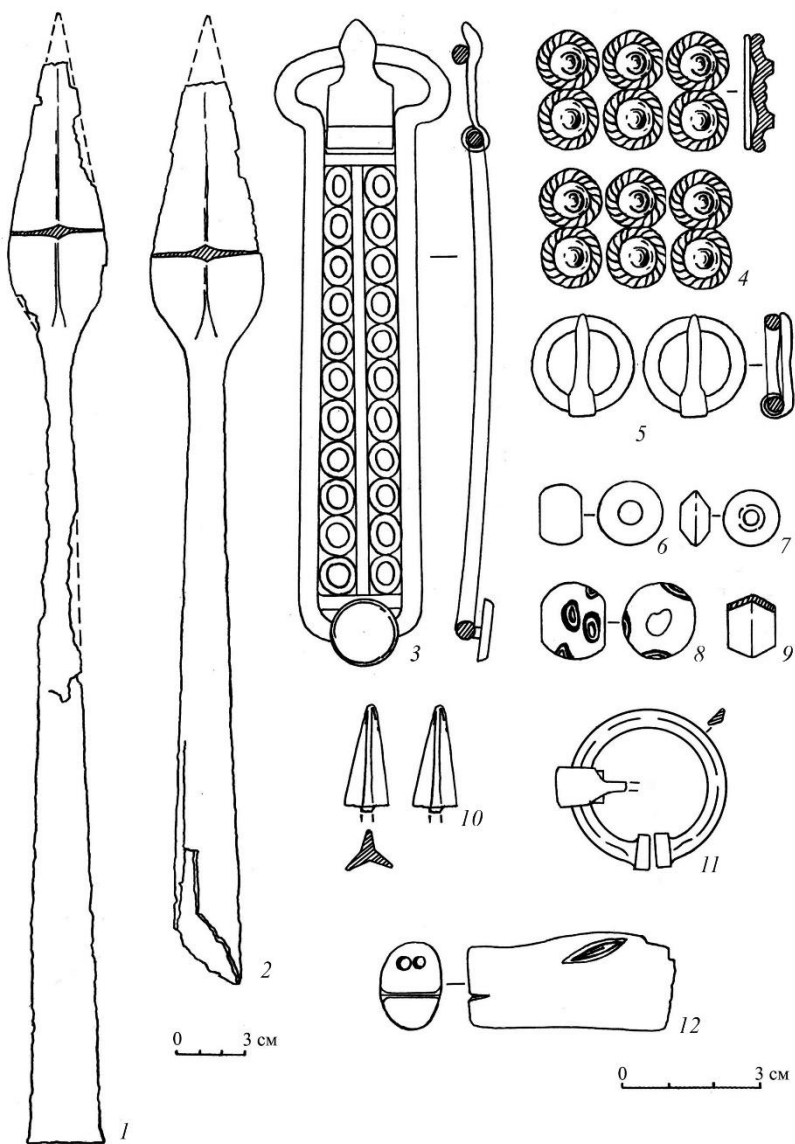

Рис. 16. Староардатовский 1 курган.
Погребальный инвентарь погребения (по Гришаков, Зубов, 2009).

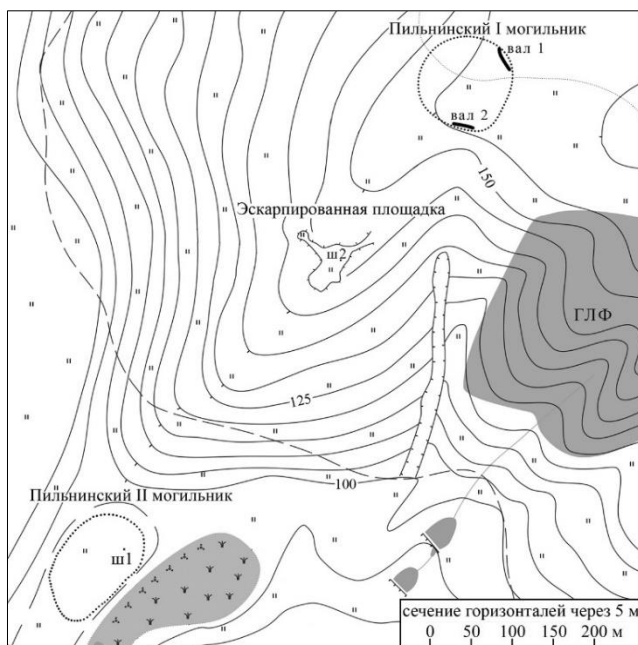
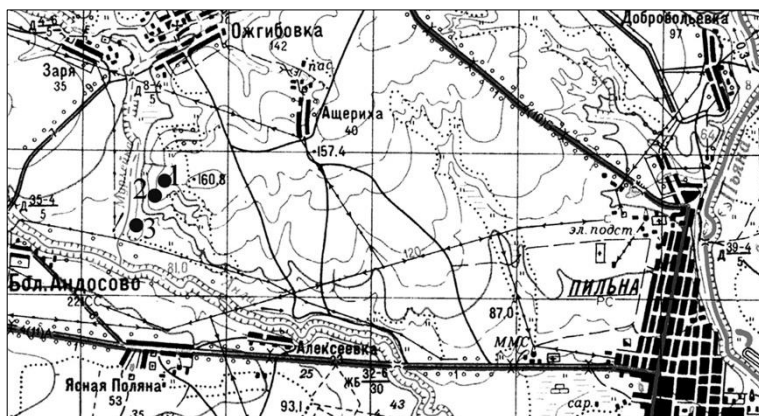

Рис. 17. План расположения Пильнинских археологических объектов (Пильнинский район, Нижегородская область):
 1 – Пильнинский I грунтовый могильник; 2 – эскарпированная площадка;
 3 – Пильнинский II грунтовый могильник (по Зубов, 2011)

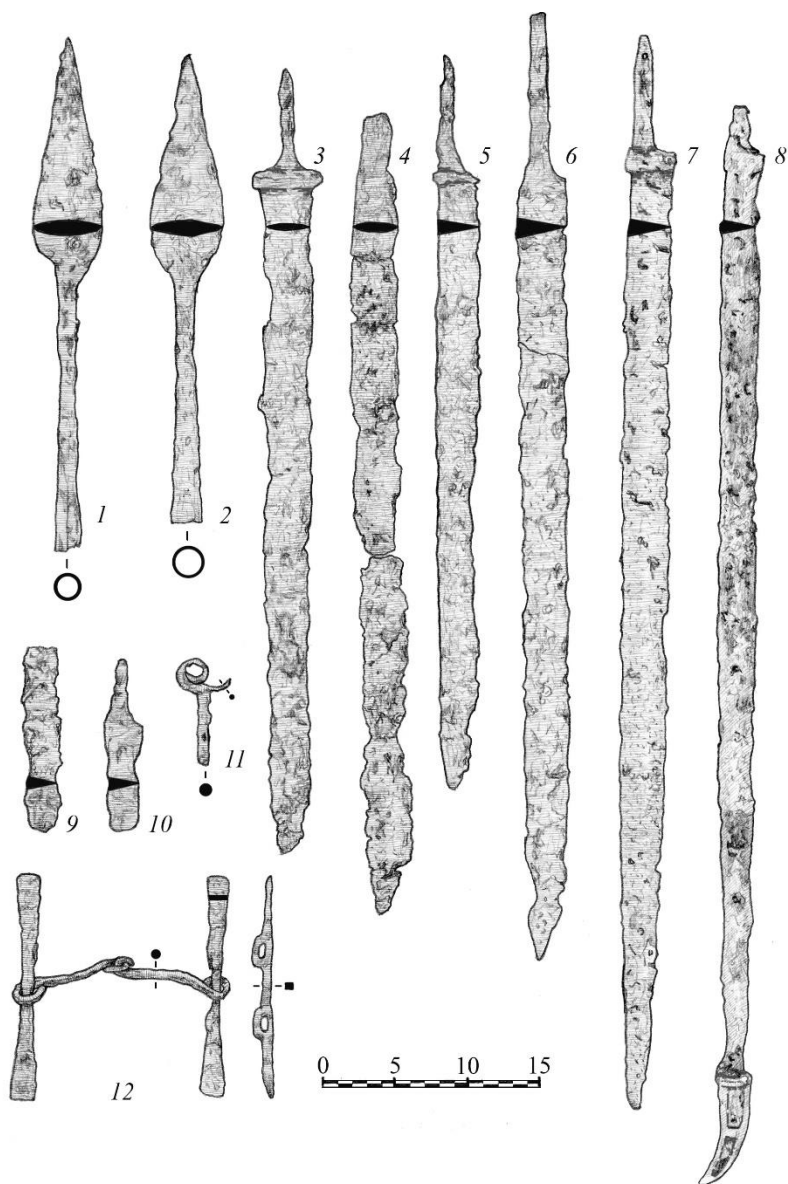

Рис. 18. Пильнинский I грунтовый могильник.
 Погребальный инвентарь разрушенных погребений.
 Копья, мечи, палаши, конское снаряжение (по Зубов, 2011)

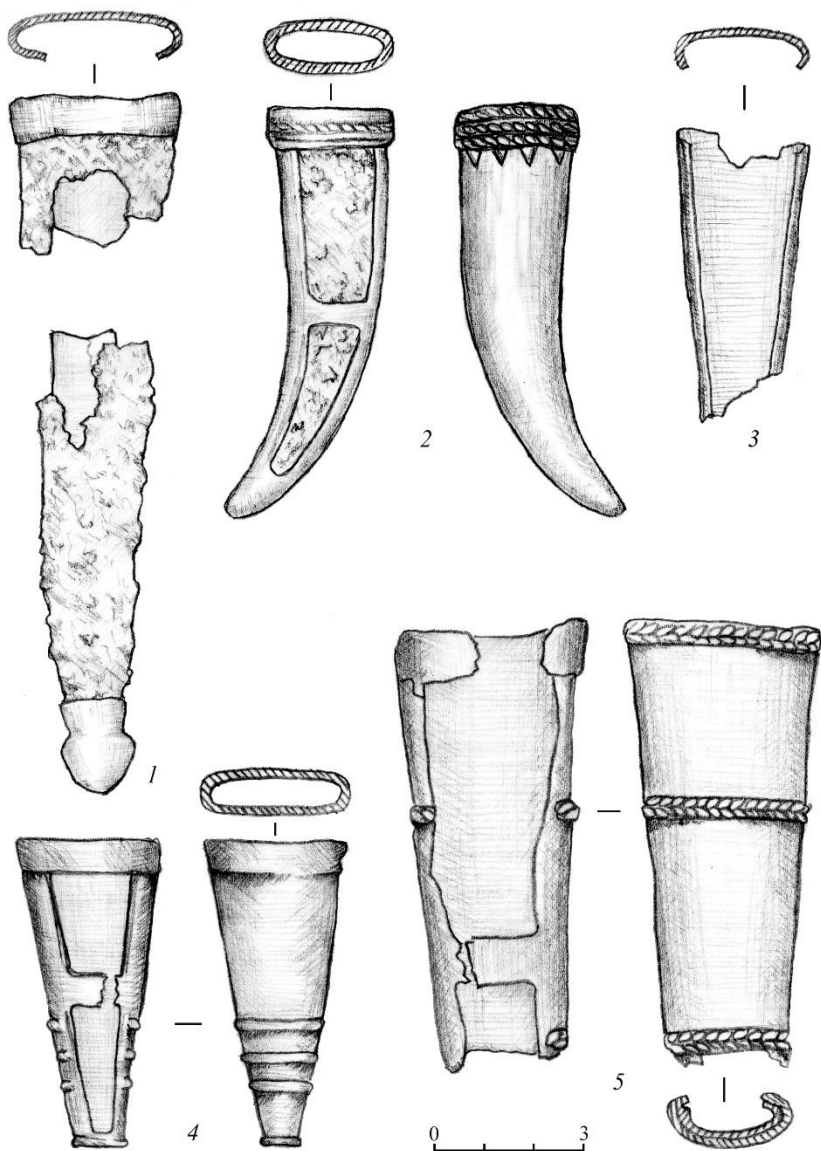

Рис. 19. Пильнинский I грунтовый могильник.
 Погребальный инвентарь разрушенных погребений.
 Наконечники ножен клинкового оружия (по Зубов, 2011)

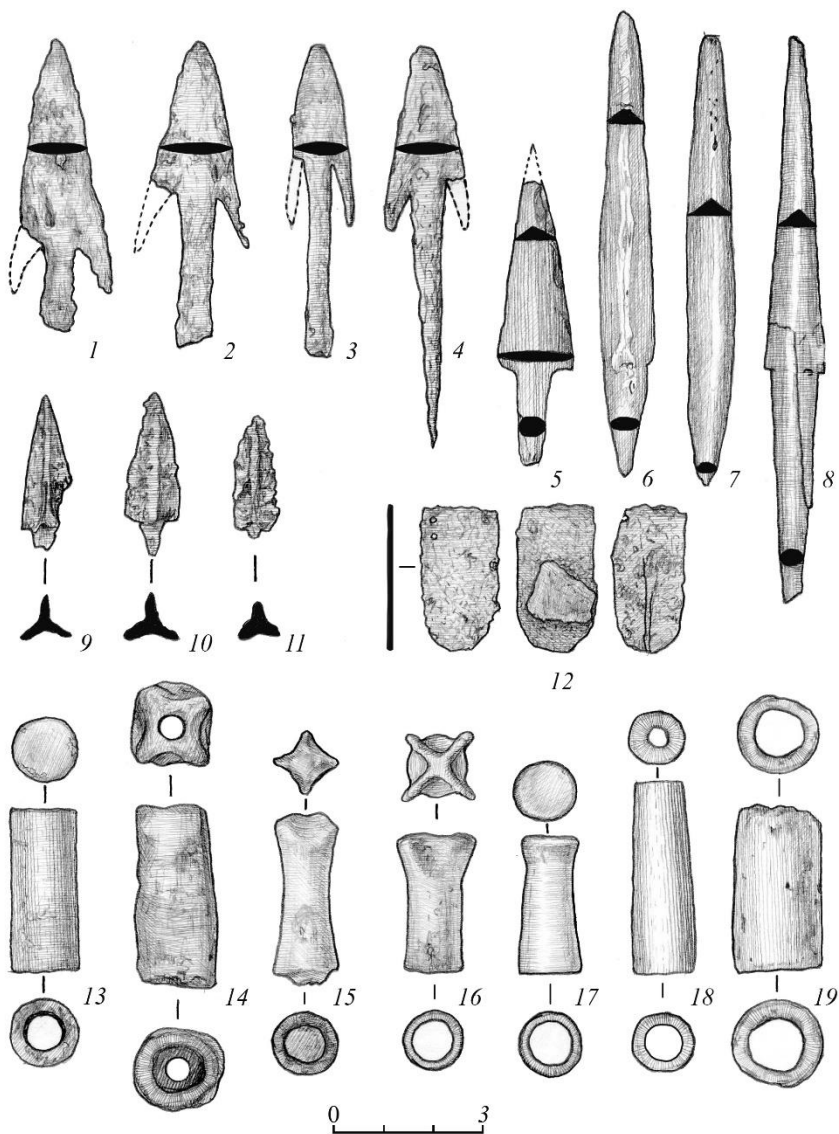

Рис. 20. Пильнинский I грунтовый могильник.
Погребальный инвентарь разрушенных погребений.
Наконечники стрел (по Зубов, 2011)

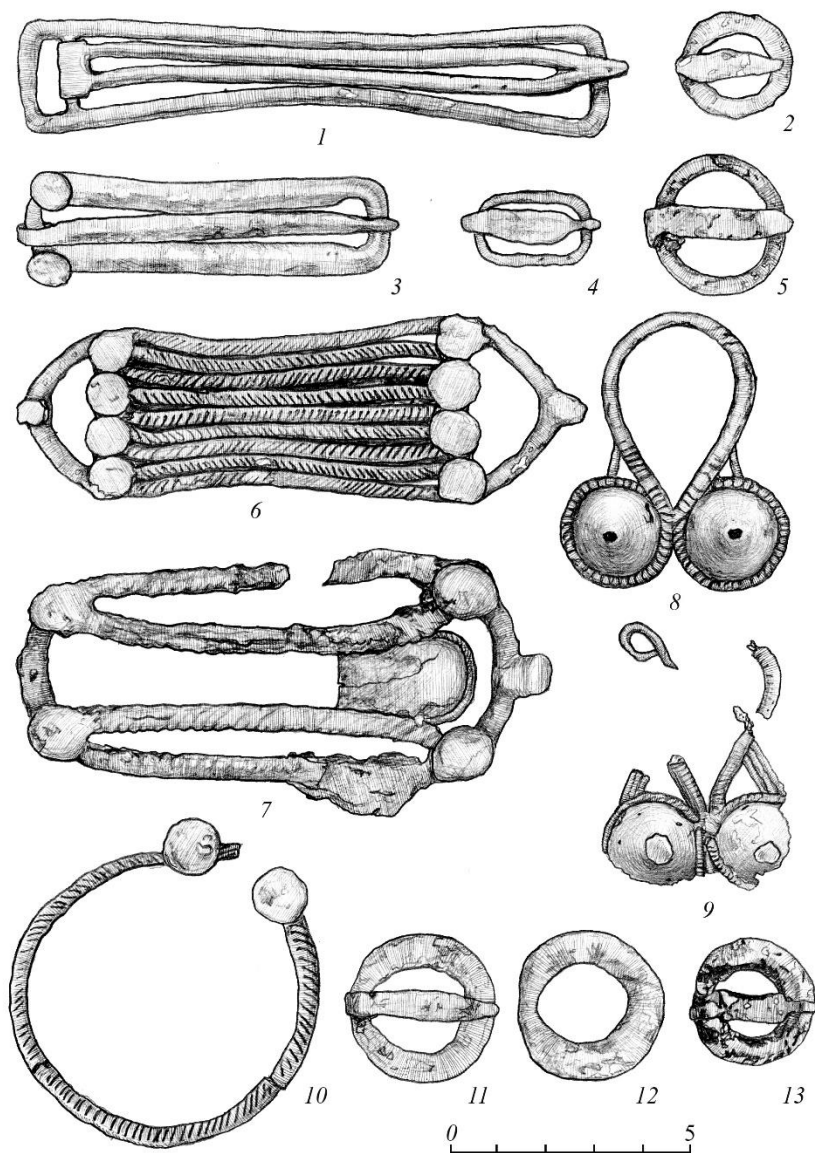

Рис. 21. Пильнинский I грунтовый могильник.
Погребальный инвентарь разрушенных погребений.
Поясные застёжки, сьюлгамы (по Зубов, 2011)

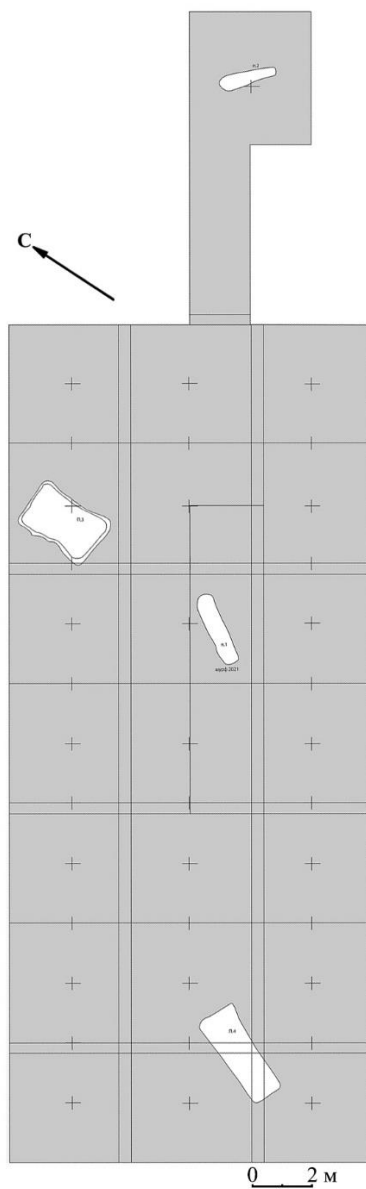

Рис. 22. Пильнинский I грунтовый могильник.
План раскопа 2023 г.

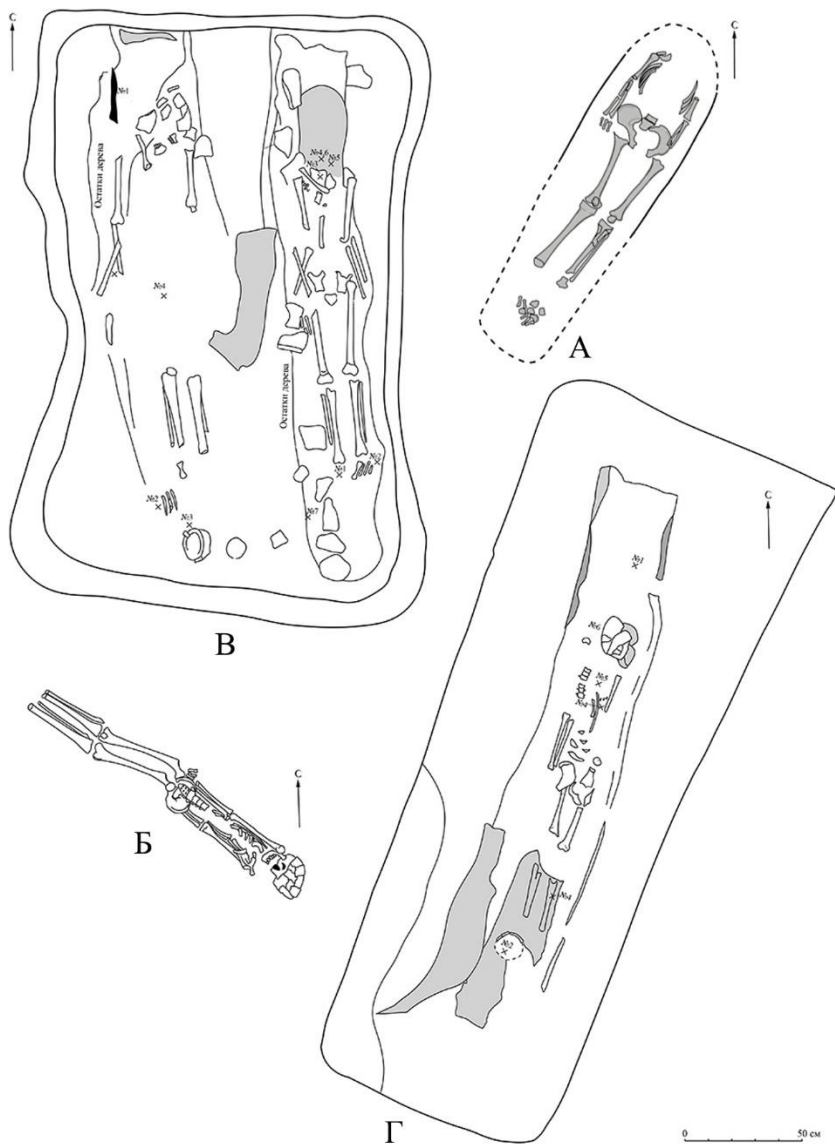

Рис. 23. Пильнинский I грунтовый могильник.
 Планы погребений раскопа 2023 г.
 А – погр. 1; Б – погр. 2; В – погр. 3; Г – погр. 4

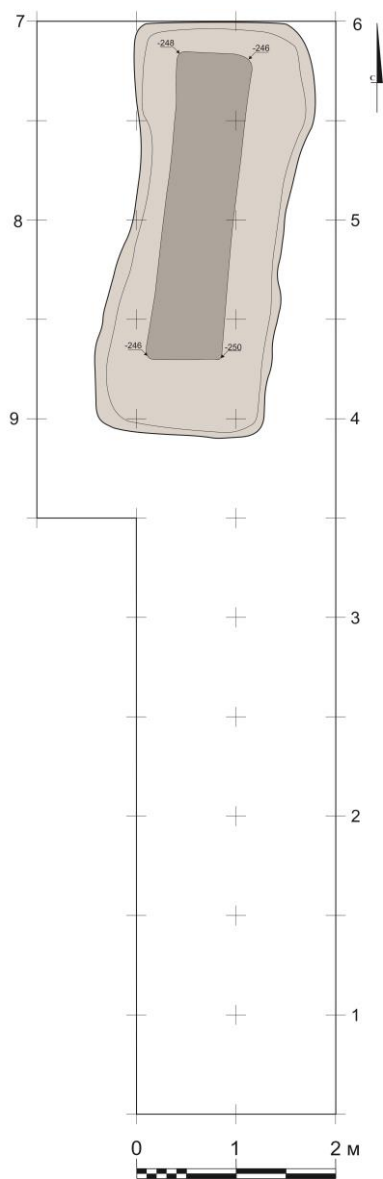

Рис. 24. Пильнинский I грунтовый могильник.
А – план траншеи 3 и погребения 7

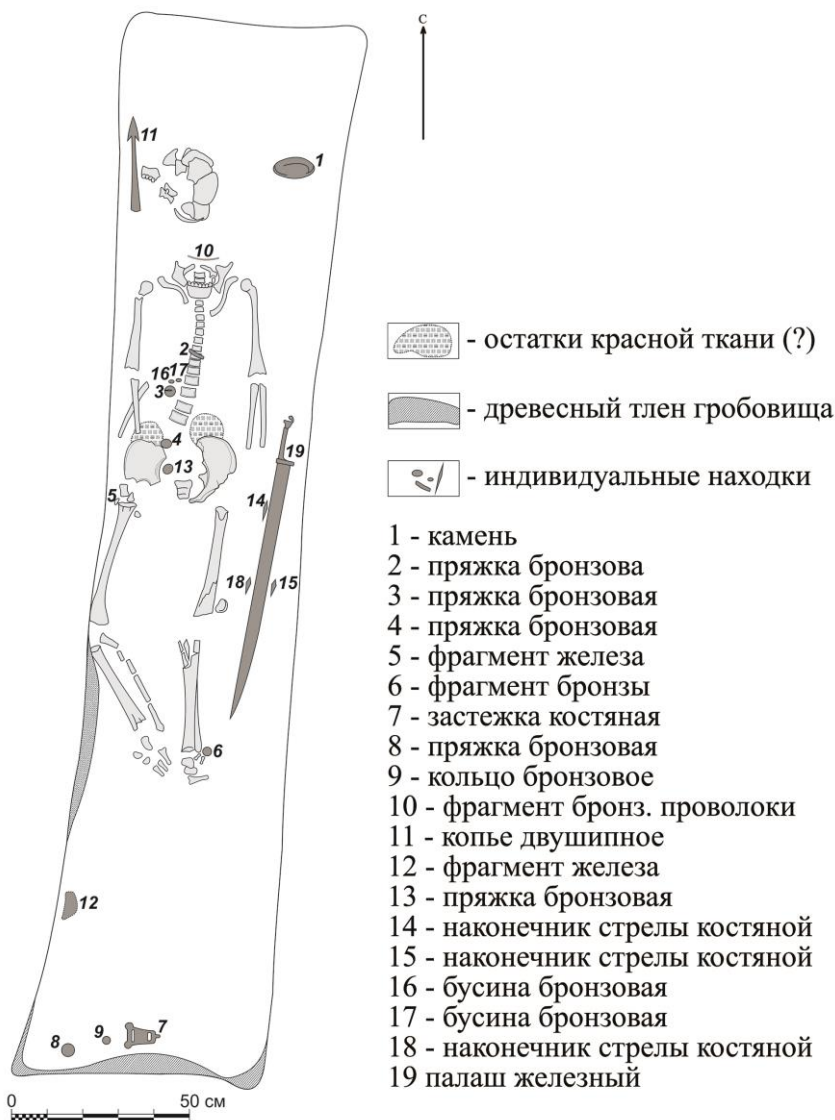
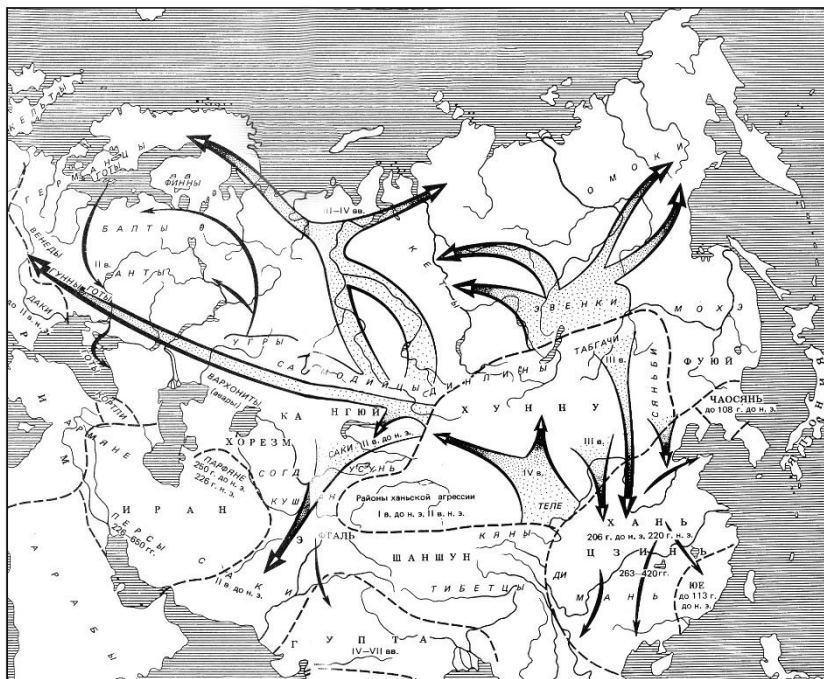

Рис. 25. Пильнинский I грунтовый могильник.
План погребения 7

- — миграции кочевых народов
 — миграции оседлых народов
 — границы государств.

Рис. 26. Миграции народов во II-V вв. н.э.
(по Гумилев, 1993)

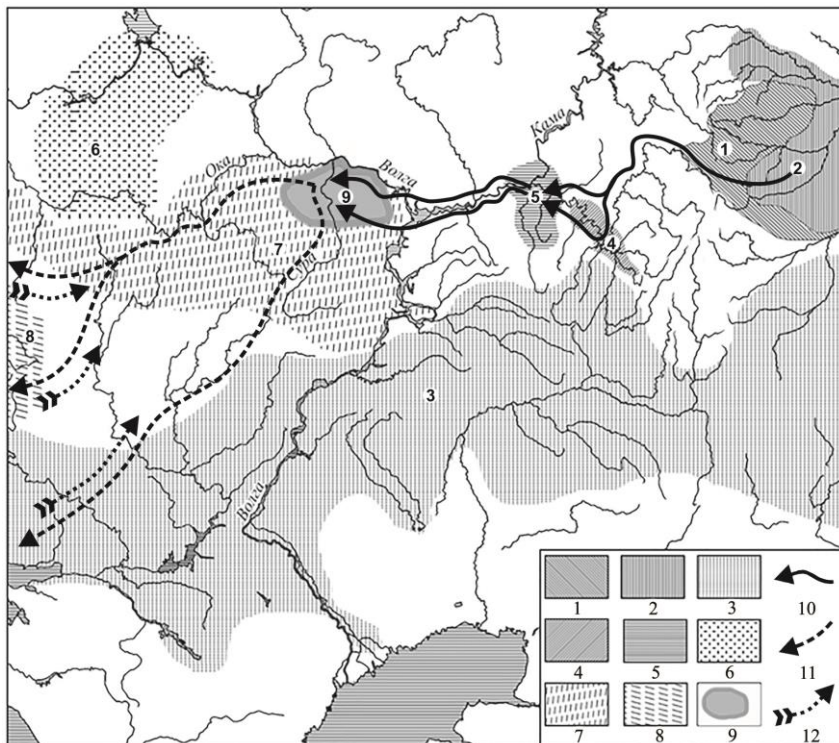

Рис. 27. Возможные пути воинской миграции и предположительные направления военных походов на карте-схеме археологической ситуации в Восточной Европе I-II вв. н.э.:

1 – зона распространения памятников гороховской культуры (по Матвеевой Н.П.); 2 – зона распространения памятников саргатской культуры Тоболо-Ишимья (по Коряковой Л.Н., Матвеевой Н.П.); 3 – зона распространения сарматских памятников (по Мошковой М.Г.); 4 – зона распространения памятников кара-абызской культуры (по Пшеничному А.Х.); 5 – зона распространения памятников пьяноборской культуры (по Агееву Б.Б., Генингу В.Ф.); 6 – зона распространения памятников дьяковской культуры (по Смирнову К.А.); 7 – зона распространения памятников городецкой культуры; 8 – зона распространения памятников зарубинецкой культуры (по Обломскому А.М.); 9 – местоположение памятников писеральско-андреевского типа; 10 – возможные пути воинской миграции из Зауралья в Западное Поволжье; 11 – предположительные направления военных походов; 12 – возвратное движение из военных походов

Учебное издание

Зубов Сергей Эдгардович

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ
МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ДРЕВНОСТИ
(на материалах заключительного этапа эпохи
раннего железного века Среднего Поволжья)**

Учебное пособие

Редакционно-издательская обработка
издательства Самарского университета

Подписано в печать 19.11.2025. Формат 60×84 1/16.

Бумага офсетная. Печ. л. 6,25.

Тираж 120 экз. (1-й з-д 27). Заказ № 237. Арт. – 21(Р2УП)/2025.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)
443086, САМАРА, МОСКОВСКОЕ ШОССЕ, 34.

Издательство Самарского университета.
443086, Самара, Московское шоссе, 34.